

БЕРНСА ВЕРБЕР

планета
кошек

Никогда не пойму людей!
Мир рухнет,
а им лишь бы веселиться!

Бернар Вербер
Планета кошек
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Кошки», книга 3

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67143751*

*Планета кошек: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164859-6*

Аннотация

Долгожданный финал трилогии Бернара Вербера о кошках!
Для того чтобы управлять миром людей, кошкам для начала придется его спасти.

Парусник «Последняя надежда» наконец-то доставляет Бастет, Пифагора и других членов разномастного экипажа в Нью-Йорк. Вопреки их ожиданиям, каждый квадратный метр мегаполиса кишит крысами, и последние выжившие люди вынуждены искать убежища в новой башне Всемирного торгового центра.

Теперь поредевшему кошачьему отряду придется приложить всю смекалку, чтобы низвергнуть своих давних врагов и спасти человечество. Но достойно ли оно спасения?

«Самый динамичный роман из всей трилогии! Столько сюжетных поворотов, что чувствуешь себя как на американских горках». – *Goodreads*

Содержание

Акт I	7
1. Конечный пункт	7
2. Stupete Gentes	21
3. Столкновение	22
4. Так ли необходима голова?	40
5. Скорбь	42
6. Наша персональная легенда	48
7. Огни в ночи	49
8. О сложности выбора	66
9. Без него	67
10. Что Америка дала Европе, и наоборот	74
11. На небоскребе	76
12. История Нью-Йорка	94
13. Все выше	96
14. История кота Оскара	109
15. Многословие	111
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Бернар Вербер

Планета кошек

Моей матери Селин

Всем, кто переживает великую историю любви со своими кошками и кого больше никто не может понять.

Вы становитесь счастливыми, когда понимаете простую истину: все на свете участвует в одном простом проекте: принести вам удовлетворение.
Кошка Бастет

Пока у кошек не будет своих историков, во всех рассказах с участием кошек будут прославляться только люди, мнящие себя их хозяевами.
Кот Пифагор

Продолжительность жизни людей, живущих с кошками, увеличивается на 10 %. У кошек, живущих с людьми, возможность сохранить в целостности свои половые органы уменьшается на 10 %.
Кошка Эмеральда

Bernard Werber
La Planète des Chats

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Editions Albin Michel et Bernard Werber – Paris
2020

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Акт I

Новый Свет

1. Конечный пункт

Черт возьми, не может быть, не для того старались, чтобы вышло ЭТО!

Я ошарашена увиденным.

От кончика моего хвоста до макушки пробегает судорога.

Расширяются зрачки.

Заостряются уши.

Шерсть встает дыбом.

Челюсти стискиваются до скрежета зубов.

Вы меня знаете: я не из впечатлительных, но тут, признаться, даже я ошеломлена до дрожи в кончиках усов.

Невольно выпускаю и снова втягиваю когти.

Мы на борту большого парусника «Последняя надежда», позади пересечение Атлантического океана, тридцать пять изнурительных дней, и вот теперь перед нами громоздится огромный человеческий город под названием Нью-Йорк.

Но американская мечта рассыпается, как слишком высокая гора сухого корма, насыпанного в мелкую миску.

Мы думали, что найдем убежище, где не будет крыс, а тут

проклятых грызунов даже больше, чем в Париже. Если оценить на глаз, их раз в сто больше, чем там, откуда мы сбежали.

Ну и зрелище!

Крысы, всюду крысы, мерзкие твари с бурой шерстью.

Даже на большом расстоянии слышен их свист.

Не говоря о запахе.

Весь Манхэттен провонял мочой этих грызунов.

Мы все онемели от ужаса.

«Мы» – это я, Бастет, и «моя компания», то есть те, кто сопровождал меня в плавании через Атлантический океан, а именно (перечисляю в порядке интереса, который они представляют для меня):

– мой сексуальный партнер, сиамский кот Пифагор. Он посвятил меня в людскую премудрость, только он отчаянный трусишка, маскирующий свою трусость словечком «пацифист»;

– мой сынок Анжело – мелкий неврастеник, высокомерный и жестокий, со склонностью к нахлебничеству;

– Эсмеральда, желтоглазая черная кошка, моя соперница, я презираю и ненавижу ее, уверена, что она уже переспала с Пифагором;

– теперь о людях: это моя преданная служанка Натали, слишком медленно мне подчиняющаяся, и профессор Роман Уэллс, ее мужчина. Это он предложил сделать мне операцию по вживлению в лоб ТРЕТЬЕГО ГЛАЗА, обеспечившего до-

ступ к его Энциклопедии. Он – мой любимчик. Скорее умен, во всяком случае, для человека;

– да, еще представители низших существ. Попугай Шампольон, самодовольное болтливое пернатое, понимающее и болтающее на нескольких языках и выступающее в роли универсального переводчика. Он приносит большую пользу: через него я могу обращаться к другим видам. Далее, бордер-колли Наполеон, являющийся ввиду своего прошлого пастушьей собаки прекрасным проводником для стад, собака почти кошачьей утонченности и безукоризненной верности; а также хряк Бадинтер, выступивший в свое время моим адвокатом, возможно, самый смысленый среди нас, хотя сам он еще не знает об этом. Я рассчитываю помочь ему осознать себя. Уверена, эта свинья гениальна, в будущем он с моей помощью превзойдет себя;

– на последнем месте анонимы, проходящие у меня под кличкой «слуги моих слуг».

В общей сложности на «Последней надежде» 274 пассажира: 144 кошки, 12 людей, 65 свиней, 52 собаки, 1 попугай.

Сейчас все они смотрят на меня и ждут моей реакции.

– Подплывем ближе, приглядимся.

Предложение сделано твердым тоном, чтобы создать впечатление, что лично меня американские крысы не пугают и что я уже продумываю дальнейшую стратегию.

Моя мать говорила: «Вожди не те, кто сильнее остальных, а те, кто создает впечатление, что меньше всех удивлены но-

выми событиями».

В который раз убеждаюсь, что моя уверенность и врожденное хладнокровие вроде бы вселяют во всех веру.

Итак, я и все «мои» подплываем ближе к американскому берегу.

Надо сказать, что наша «Последняя надежда» – старая трехмачтовая посудина.

На всех парусах она, подгоняемая ветром, устремляется к берегу, и я еще явственнее чувствую доносящееся оттуда благоухание.

Оно гораздо хуже, чем мне показалось сначала. Крысы – они всюду крысы.

Чтобы выиграть время, я обращаюсь к своему окружению с такими словами:

– Само собой, они тут как тут, следовало это предвидеть. – И добавляю с максимальной непринужденностью в голосе: – Но вы не беспокойтесь, у меня есть план.

Это фраза из числа тех, что позволяют снять напряжение.

– Мы внимательно тебя слушаем, – тут же вылезает насмешница Эсмеральда.

Определенно, эта черная кошка с каждым днем испытывает ко мне все бóльшую неприязнь. Чую в ней бунтарку. Стоит мне ее увидеть, меня тут же посещает мысль, что она уже приворожила, прикинувшись приемной матерью, моего сына Анжело, а еще, как и подобает прирожденной потаскухе, соблазнила моего милого дружка Пифагора. Сейчас она

явно хочет посеять сомнение в моей способности командовать. Не удивлюсь даже, если она поставит под вопрос мою безусловную власть.

– Останавливаемся. Хочу лучше разглядеть, что там творится.

Паруса свернуты, якорь брошен, с лебедки медленно, с лязгом сматывается длинная якорная цепь.

Мы толпимся на носу «Последней надежды». Отсюда лучше виден берег.

Прочь сомнения, суша заражена крысами. Они всюду. Сотни, тысячи, десятки тысяч, копошащееся месиво крыс, настоящий ковер из бурой шерсти, колышимый ветром, как море живого меха. Отвратительное звуковое сопровождение этой отталкивающей картины – неумолчный писк, похожий на чириканье несчетного количества скворцов.

– Нью-Йорк захвачен, – констатирует со вздохом Эсмеральда.

Еще одна бесполезная фраза: это то самое, что уже сказала я, и то, что каждый видит собственными глазами. Мы передаем друг другу бинокль.

Я усиленно шевелю мозгами.

Что делать?

Бежать?

Воевать?

Чувствую, волнение моих спутников превосходит мое.

Предложение не заставляет себя ждать:

– Общий сбор в капитанской каюте!

Чем сложнее проблема, тем решительнее мой тон.

Проходит несколько минут – и все мои подданные уже расселись в большой каюте, сияющей надраенной древесиной.

Кошки. Люди. Свины. Собаки. Какаду.

Я жду, пока установится тишина.

– Так что у тебя за план? – не выдерживает Эсмеральда, отказывающаяся скрывать свое нетерпение.

Я отвечаю:

– Сперва хочу послушать ваши соображения. Наверняка у вас найдутся конструктивные мысли.

Я умалчиваю о том, что на данный момент ничего еще не придумала и просто тяну время.

– Есть предложение вернуться во Францию, – лезет вперед Эсмеральда. – Жаль говорить о неприятном, но уже ясно, что в Америке гораздо больше крыс, чем в Европе. Мы думали, что плывем в город, придумавший эффективное средство против крыс, но выходит, что либо американские люди нас обманули, либо их средство больше не действует. Нам остается одно: пересечь Атлантику в противоположную сторону, вернуться домой.

Я освежаю ей память:

– Во Франции видимо-невидимо крыс под предводительством страшного царя Тамерлана.

– Один раз мы его победили, победим и во второй. Этот

враг нам уже знаком. Как мне представляется, это реалистичнее, чем идти против неисчислимых американских крыс, с которыми мы даже не знакомы, – нагло гнет она свое.

Она больше меня не боится?

Я мяукаю:

– Хочешь опять воевать с Тамерланом?

– Все остальное еще хуже, – продолжает настаивать она.

– Не забывай, Эсмеральда, что мы еле-еле его одолели.

В этот раз я не уверена в успехе. У кого-нибудь есть более реалистичные варианты?

Лапу тянет Анжело.

– Нападем на них! Подумаешь, какие-то крысы! Набросимся и всех перебьем. Разом с ними покончим.

Я насмешливо смотрю на своего сына и даже утруждаюсь ему ответить.

Какой примитив, какая ограниченность! Он воображает, что власти можно добиться насильем. Что же, придется заняться его образованием. Лучшие поздно, чем никогда.

Я спрашиваю со вздохом:

– Еще какие-нибудь идеи?

– Предлагаю остаться на борту. Будем считать корабль нашим островом, нашим убежищем, – подает голос Пифагор.

– Как насчет пропитания?

– Рыбная ловля. То же самое, что в плавании.

– Хватит с меня рыбы, – отмахиваюсь я.

Остальные согласны со мной.

– Нельзя бесконечно сидеть на корабле, – заключаю я.

Натали поднимает свою изящную пятипалую руку и берет слово. Я могу понимать ее речь благодаря новому коммуникационному интерфейсу, вживленному мне в лоб.

Это сложное устройство, сконструированное профессором Романом Уэллсом, позволяет при помощи простого черного шарика, похожего на бородавку на моем Третьем Глазу, поддерживать радиосвязь по протоколу *Bluetooth* с микронаушником моей служанки. Программа в простом микрочипе преобразует ее человеческие слова в понятное мне мяуканье и, наоборот, мое мяуканье – в понятные ей фразы.

– Я предлагаю, – говорит она, – отправиться на поиски другой территории в Америке, более пригодной для безопасной высадки. Далее мы двинемся посуху и найдем спокойное местечко. Неважно где: в Скалистых горах, в пустыне Мохава, в полных аллигаторов болотах Юга... Я бывала там в молодости. Крысы не захотят и не смогут там поселиться.

Я напоминаю ей о реальном риске:

– Узнав, где мы закрепились, они на нас нападут. В том, что они нас найдут, нет сомнения.

– А если поискать остров вблизи побережья? – предлагает профессор Роман Уэллс. – Наверное, там будет меньше крыс, чем на континенте. На острове будет проще удерживать их на расстоянии.

Остальные, как я погляжу, мучаются сомнениями. Думаю, всем надоело питаться рыбой.

– Можно было бы попробовать вступить в переговоры, – курлычет какаду Шампольон. – Пустив в ход дипломатию, я бы мог убедить местных жителей, что для них выгодно оказать нам гостеприимство.

Для пущей убедительности он расправляет свой белый холлок.

– Все бы ничего, – говорю я, – не будь у крыс мерзкой привычки, возможно, атавизма, истреблять всех, кто не похож на крысу. Не хочу противоречить тебе просто из принципа, Шампольон, но с самого своего рождения я ни разу не встречала крысу, которая благосклонно относилась бы к чужакам. Они даже друг другу не дают спуска: убивают старых, больных, слабых, иногда даже собственных детей, если тем не повезет оказаться хилыми.

– Тебе не встречались благосклонные французские крысы, но американские могут оказаться более покладистыми, – не сдаётся попугай.

Покладистые крысы?! Одно противоречит другому.

– Это вряд ли.

– Не будем торопиться с умозаключениями, – гнет свое Шампольон. – В конце концов, американские крысы, в отличие от французских, не имеют к нам конкретных претензий. Почему нас преследовал Тамерлан? Потому что хотел похитить у тебя карту памяти с Расширенной Энциклопедией Относительного и Абсолютного Знания, которую ты носила на шее, а еще из желания отомстить за разгром на Лебяжьем

острове и в Руане. Американские крысы – другое дело: они с нами даже не знакомы.

Я разочарованно вздыхаю: мои спутники расписались в отсутствии у них перспективных идей. Разворачиваются дебаты. Каждый развивает свои представления или поддерживает чужие.

Кошка Эсмеральда в конце концов признает правоту Натали, хотя оговаривается, что не выносит холод, отчего предпочитаем горам пустыню.

Пифагор, как и Роман, выступает за бегство на какой-нибудь остров и за превращение его в крепость, как мы раньше укрепились на острове Сите.

Эсмеральда напоминает, что острова подобны тюрьмам, там легко можно оказаться пленниками.

Хряк Бадинтер и пес Наполеон выступают в поддержку возвращения во Францию. Подозреваю, что они мечтают воссоединиться со своими сородичами.

Наконец, все начинают друг другу противоречить, спорить ради самого спора.

В который раз я прихожу к выводу, что дискуссии всегда бесплодны.

– Ты-то сама, Бастет, что думаешь? Ты ничего не говоришь с самого начала обсуждения, – спохватывается Эсмеральда. – Ты обмолвилась о плане. Так что же у тебя за план?

Я не спешу с ответом, жду, пока все умолкнут.

– Ну что ж...

Все с любопытством смотрят на меня.

– Послушайте, с меня довольно, я чувствую, что всех вас разъедает скепсис. Такое впечатление, что вы мне не доверяете. Не собираюсь вам помогать, не располагая даже минимумом поддержки. Без нее я не могу продолжать. Раз так, я вам не скажу, что у меня на уме.

Я выпуталась и очень довольна собой. Иногда мое лицемерие удивляет меня саму.

– Ладно, – говорит Пифагор, – всем нам стыдно, прости, что поставили под сомнение твои способности. Внимательно тебя слушаем.

– Поздно, проехали.

– Пожалуйста, Бастет!

– Да не приставай ты к ней, нет у нее никакого плана, – ехидно говорит Эсмеральда.

– А вот и есть, – не выдерживаю я.

– Ничего у тебя нет.

– Нет, есть!

Проклятье, почему в решающие моменты не получается обойтись без детских препирательств?

Но я не отказываюсь от игры, потому что знаю, что она отвлекает. К тому же нужно любой ценой стряхнуть с них страх, наполнить энергией.

– Нет.

– Да.

– Раз так, мы тебя слушаем, – говорит Пифагор, желаю-

щий непременно подстегнуть диалог.

Все взгляды обращены на меня. Дальше увиливать не получится.

– Главное в моем плане – коммуникация.

– Раскрой свою мысль.

– Раскрываю: мы поплывем вдоль берега, отыщем участок без крыс, сойдем на берег. Будем вовсю общаться с местными жителями, чтобы сколотить большую союзническую армию с участием кошек, собак, свиней...

– ...какаду, – дополняет Шампольон.

– И какаду, если они найдутся, ты прав. Кстати, тебе придется выступать переводчиком для коммуникации со всем местным зверьем.

– Продолжай, Бастет, изложи нам твой «чудодейственный план», – мяукает желтоглазая черная кошка.

– Итак, мы создаем большую армию и, пользуясь тем, что Нью-Йорк – остров, осаждаем его, как осадил нас Тамерлан на парижском острове Сите. У крыс начнется голод, и они сдадутся. Убивать их будет легко: они будут истощенными и ослабленными.

Мне помогает уверенный тон.

Важно создавать впечатление, что выход существует. Даже если он не так хорош.

Я принимаюсь себя вылизывать, чтобы доказать, что даже враждебность не лишает меня природной беззаботности.

Находишься я среди слушателей, не сомневалась бы, внимая

себе, что мы вовсе не в тупике.

Так или иначе, фаза безнадежности преодолена, я чувствую, что вернула себе расположение нашего сообщества.

– Кто ты такая, Бастет, чтобы нами командовать? – никак не успокоится Эсмеральда.

– Прости, ты ко мне обращаешься?

– К тебе, к тебе. По-моему, у тебя мания величия. Притязания оправданны, когда за спиной успех, но сейчас, не обесчудь, моя бедная Бастет, сколько бы ты ни мяукала, приходится объективности ради признать, что ты не предложила ничего стоящего. Помнится, именно из-за твоих решений, оказавшихся ошибочными, мы попали в эту безвыходную ситуацию.

– Начнем с того, что я не делаю ошибок, на моем счету относительные успехи, а это не одно и то же. И потом, чтобы выйти из тупика, надо не искать виноватых, а предлагать решения.

– То есть ты признаешь, что корчишь из себя нашу предводительницу, являясь, в сущности, такой же кошкой, как остальные?

Она меня нервирует. Я подхожу к ней, смотрю в глаза. Она выдерживает мой взгляд.

Какая наглость!

Я задираю хвост, вострую уши. Она делает то же самое – показывает, что не боится меня. Я топорщусь шерсть – это намек, что если она продолжит в том же духе, то скоро зарабо-

тает лапой по морде. Она подражает мне.

Мы обе шумно дышим сквозь стиснутые зубы.

В этот раз драки, похоже, не избежать.

Но в тот самый момент, когда я готовлюсь прыгнуть на нее и исцарапать когтями, с палубы доносится гудок тревоги.

Я перегруппируюсь и напрягаю слух.

Человеческий голос выкрикивает фразу, переведенную моим приемным устройством как:

– КРЫСЫ АТАКУЮТ КОРМУ! ДЕСЯТКИ ВЛЕЗЛИ НА ПАЛУБУ ПО ЯКОРНОЙ ЦЕПИ!

Я кидаюсь на крышу рулевой рубки. Оттуда видно полчище крыс на кормовой палубе и новые сотни и сотни плывущих им на подмогу.

Я немедленно делаю следующие выводы:

- 1) американские крысы тоже нас заметили;
- 2) наше присутствие ничуть их не пугает;
- 3) они способны плыть в морской воде на большие расстояния;
- 4) им хватает сил, чтобы плыть против течения и преодолевать легкое волнение в море, отбрасывающее их к берегу.

Ну что же, контакт с местным населением установился быстрее, чем предполагалось.

Я все еще пытаюсь скрыть удивление, но себе самой вынуждена признаться, что мне очень страшно.

2. Stupete Gentes

У входа на древнеримские арены было выгравировано: «*Stupete gentes*». Переводится это примерно так: «Приготовьтесь удивиться».

Это было всего лишь напоминание о вежливости, необходимой посетителям всякого хорошего увеселения.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания¹.

Том XIV

Автор – профессор Эдмонд Уэллс.

¹ Энциклопедия абсолютного и относительного знания – издательство «Эксмо», 2020 год.

3. Столкновение

Моя мать говорила, что «лучший способ не потерпеть поражение в бою – не участвовать в нем».

Поэтому я не дерусь.

Никому не позволю обвинять меня в трусости. Все мои помыслы о коллективном интересе, а он в том и состоит, чтобы я, Бастет, не рисковала без нужды.

Представьте, что произошло бы, если бы я погибла и мы лишились Энциклопедии, которую я ношу на шее? Согласитесь, что всему пришел бы конец.

И последний аргумент: в драке с крысами на корабле нет, по-моему, никакого геройства. Что за заслуга в заранее гарантированной победе над крысами, обессиленными после заплыва через морской залив?

Нет, так низко я падать не собираюсь.

И потом, не нам, командованию, тратить время на отражение натиска пехоты.

Впрочем, даже не участвуя в бою, я желаю за ним наблюдать. Я забираюсь на верхушку центральной мачты и пристально слежу оттуда за разворачивающимися на палубе событиями.

С этого наблюдательного пункта виден весь отряд толстых мокрых крыс, вскарабкавшихся на наш парусник и навязавших нам бой.

Наше смешанное кошачье-человечье воинство сухое и свежее.

Наполеон ведет в бой собак, Бадинтер – свиней, Эсмеральда – кошек.

Мой сынок, ясное дело, дерется в первых рядах, и немудрено, ведь он считает убийство развлечением.

Шампольон никого никуда не ведет, потому что на поле боя не наблюдается никаких других птиц, кроме хохочущих чаек, не желающих вмешиваться, но проявляющих острое любопытство к происходящему.

– Дамы и господа, – хрипит какаду, – прошу вас, успокойтесь, уверен, это недоразумение, давайте искать компромисс...

Свиньи, собаки, кошки и люди твердо держат оборону.

На палубе кипит рукопашная. Клыки против резцов. Когти против когтей. Люди пускают в ход палки, ножи, а потом и кулаки.

Противник проявляет неожиданную неуступчивость. Эти американские крысы, похоже, вообще ничего не боятся.

Они дорого платят за свое безрассудство. Бою на палубе «Последней надежды» не видно конца.

Со своей верхотуры я подбадриваю своих:

– Держитесь! Ни шагу назад!

Это не требует от меня больших усилий, зато придает сил нашим войскам. Не иначе, именно мои призывы помогают нашим сдерживать натиск противника. Во всяком случае, пер-

вый натиск, потому что к крысам торопится подкрепление.

– Убейте их всех! – кричу я.

Численный перевес на их стороне. Сколько их добралось вплавь до нашего корабля? Сначала я насчитывала не больше сотни, но давно сбилась со счета.

Как помешать появлению подкрепления?

Моя мать говорила: «Не надо путать реакцию и ответ. Дураки бездумно реагируют на первую же провокацию, а умные медлят, анализируют опасность и находят самый подходящий ответ».

В чем, в сущности, вся проблема?

Стоит мне задаться этим вопросом, как появляется ответ.

Как я раньше до этого не додумалась?

С верхушки мачты раздается мяуканье – мой приказ, так необходимый бойцам:

– Поднимайте якорь!

Увы, никто меня не слушает, и крысы продолжают наступление, хотя пока что мало кто из наших ранен.

Места убитых немедленно занимают вылезавшие из моря крысы, не менее решительные, им нет дела до гибели сородичей, они карабкаются по ним, гибнут сами...

Эдак они нас задавят...

Именно это и происходит. Наши обороняющиеся войска не успевают уничтожать одних, как появляются другие. Теперь вся палуба «Последней надежды» кишит крысами.

Я снова мяукаю:

– ЧЕРТ ВАС ВСЕХ ВОЗЬМИ, ПОДНИМАЙТЕ ЖЕ ЯКОРЬ!

Но незаметно, чтобы хоть кто-нибудь торопился мне подчиниться.

Нападающие мокрые и обессиленные, но их так много, что они нас попросту захлестывают. Некоторые, добравшись до моей грот-мачты, уже ползут вверх, где сижу я.

Больше мне здесь не продержаться, придется замараться.

Я жду их, выгибая спину, на краешке бочки, в которой положено находиться наблюдателю. Каждую добирающуюся сюда крысу я сбрасываю вниз ударом лапы. Одна, правда, подкрадывается ко мне сзади и больно кусает.

Ой!

Я оглядываюсь и яростно смыкаю челюсти на наглой твари. Вкус крови удесятерит мои силы, и я продолжаю бой с тем пушим неистовством, что противники добираются до верхушки моей мачты уже на пределе сил.

Внезапно на моем правом фланге возникают сразу трое недругов, и я вынуждена отпрянуть. От неожиданности, потеряв равновесие, я падаю с мачты вниз.

На лету я делаю кувырок и растопырываю лапы, чтобы перейти к планированию, но это не замедляет падения.

Океан приближается с устрашающей скоростью.

На мое счастье, амортизатором падения служит жирная крыса, качающаяся на волнах; ее хребет ломается с сухим треском.

Повезло, что она мне подвернулась!

Теперь я в воде, вокруг меня добрая сотня крыс, упорно плывущих в сторону корабля и якорной цепи, служащей им абордажной лестницей.

До чего же холодная вода!

Вы меня знаете, воду я терпеть не могу, не люблю, когда у меня мокрая шерсть, ненавижу плавать. Тем более в каше из крыс.

Одна вцепляется в меня и тянет вниз. Я глотаю гадкую жидкость, в которой нахожусь, и с ужасом обнаруживаю, что в отличие от реки, где я однажды чуть не утонула, в океане вода до омерзения соленая.

Я отчаянно барахтаюсь, поднимая фонтан брызг. И опять мне везет: в воде крысы воют не так лихо, как на суше.

Не желая быстро признавать поражение, я раздаю удары направо и налево. При этом крысы рвут зубами мои плечи и спину.

Вода вокруг меня уже покраснела от крови убитых мной крыс и от моей собственной крови, сочащейся из ран.

Откровенно говоря, я не желаю вам очутиться в моем положении: в холодной соленой воде, в окружении сотен злобных крыс, плавающих лучше вас.

Я пытаюсь напугать их мяуканьем, но желаемого результата не добиваюсь.

Не мне вас учить, что главное в мяуканье – интонация: неубедительность мяуканья слышна сразу. Слабый звук не

пугает, а производит противоположное впечатление.

Я, конечно, не склонна к капитуляции, просто не вижу, как выйти из губительного положения. Раз все так скверно, остается одно: как можно дороже продать свою шкуру. Одна крыса больно кусает меня за лапу, другая впивается зубами в мой хвост, третья – рвет спину. Мне уже не удастся толком обороняться: их слишком много. Еще одна крыса хватается меня своими четырехпальными лапами и не позволяет поднять голову над водой.

Я открываю глаза в красной соленой воде и вижу вокруг десятки розовых когтистых лап.

Раны щиплет от соли.

Как описать это мгновение? Как неудобное? Нет. Тревожащее? Нет. Наилучшее описание такое: полнейшее одиночество.

Не знаю, что сделали бы на моем месте вы. Лично мне хочется визжать, но как завизжишь под водой? Мне недоступно даже это неполноценное облегчение. Я захлебываюсь, получая все новые удары когтями.

Выходит, все вот так и кончится – в морской воде, в каше из американских крыс?

Я, мнившая себя царицей, склоняюсь сейчас к мысли, что мой труп лишится права на какое-либо погребение. Меня съедят рыбы, мои бранные останки сгниют вблизи берегов неведомой мне страны.

Хуже того: очень вероятно, что меня сожрут окружившие

меня крысы.

Я широко открываю глаза, чтобы не упустить ничего из того, что произойдет в последние секунды моего существования.

В этот самый момент случается нечто неожиданное. Передо мной в воду плюхается что-то непонятное и поднимает волну, разбрасывающую в стороны нацелившихся на меня грызунов.

В следующую секунду я понимаю, что в воду упала знакомая мне черная кошка.

Она-то что здесь делает?

Вот это да, Эсмеральда тоже свалилась в воду!

Она отменная пловчиха, ей ничего не стоит уплыть от крыс, попытавшихся ее настичь.

Я, воспользовавшись тем, что они отвлеклись, всплываю и вдыхаю побольше воздуха.

Вокруг нас все еще плавают крысы, но их слишком впечатлило внезапное появление в воде еще одной кошки. Та подает мне знак кончиком уха: плыви за мной.

Мы направляемся к борту корабля, рядом с которым болтается на воде пластмассовое ведро. Я поднимаю глаза и вижу веревку, которую держит в руках свесившаяся с палубы Натали.

Храбрая женщина! Выходит, порой мы можем рассчитывать на наших слуг, готовых спасти нас в беде.

Я тут же запрыгиваю в ведро и жду, пока его потянут

вверх, но моя служанка не спешит тянуть за веревку. Ко мне уже приближаются крысы. Я отчаянно мяукаю:

– СКОРЕЕ! ПОДНИМАЙТЕ МЕНЯ!

Не понимаю, чего она ждет.

Неужели мое приемно-передающее устройство, Переводчик Третий Глаз, вышло из строя от падения в воду или в разгар моей морской баталши?

– ПОДНИМАЙТЕ ЖЕ МЕНЯ! ЭТО ПРИКАЗ, НАТАЛИ!

Как я погляжу, ее внимание приковано вовсе не ко мне.

Прослеживаю ее взгляд и понимаю:

Она хочет, чтобы Эсмеральда тоже прыгнула в ведро!

Скажу откровенно, мне прискорбно, что Натали так рискует ради этой кошки. Что поделать, люди ужасно сентиментальны.

Наконец Эсмеральда цепляется за мое ведро, что-то сжимая в зубах.

Это же мой ошейник с РЭОАЗ!!!

Не иначе он свалился с меня в воде, а я и не заметила. Не хочу даже гадать, что произошло, если бы я потеряла это сокровище.

Из-за моей оплошности пошли бы ко дну все знания, накопленные за тысячи лет.

На счастье, флешка находится в непромокаемом противударном чехле. Соленая вода ей нипочем.

Спасибо тебе, Роман, ты все предусмотрел.

Наконец-то нас обоих поднимают. Давно пора!

Комитет по торжественной встрече возглавляет голубоглазый сиамский кот.

– Все хорошо, Бастет? Ты не ранена? – взволнованно спрашивает он.

Я сплевываю, чтобы избавиться от вкуса соли. Отряхиваюсь – надоели сырость и кровь, уродующие мою шерсть. Вот теперь можно оценить положение.

Американские крысы продолжают штурм, на палубе «Последней надежды» по-прежнему кипит бой. Куда ни погляжу, всюду кишат сотни крыс.

Не тратя время на болтовню, я бросаюсь в гущу боя.

Тут же выясняется, что драться с крысами из Америки гораздо труднее, чем я предполагала. Они сильнее, тяжелее, боеспособнее французских крыс.

Моим соратникам вокруг меня тоже приходится туго. Все кошки, люди, свиньи и собаки вскоре скрываются под толстым слоем крыс.

В следующий момент я замечаю Бадинтера – хряка, защищавшего нас в свое время на людском суде. Он тоже едва виден из-под крысиного полчища, но я слишком далеко и слишком занята, чтобы прийти ему на выручку. Он продолжает с хрюканьем сражаться, потом хрюканье сменяется визгом. Неприятель подавляет его численностью, Бадинтер оседает на палубу, опускает голову, замирает, валится на бок.

Прощай, Бадинтер, мой любимый, неподражаемый хряк!

Все мои товарищи по плаванию через Атлантику один за

другим терпят поражение.

Возможно, я недооценила опасность.

Один Шампальон, находящийся над схваткой, недостижим для нападения и знай себе издает ястребиные крики в надежде утратить неприятеля.

Но крысы плевать на него хотели.

Заплыть в такую даль ради такого плачевного результата...

Раньше у меня было впечатление, что американское приключение только начинается, но не тут-то было...

Людам достается не меньше, чем кошкам, собакам и свиньям. Многие гибнут у меня на глазах.

Натали и Роман догадываются вооружиться палками, поджечь их и с их помощью удерживать крыс на расстоянии.

Я опять мяукаю свое:

– ЯКОРЬ! НАДО ПОДНЯТЬ ЯКОРЬ!

Наконец-то Роман и Натали слышат меня и бросаются к лебедке. При этом моя служанка не перестает вращать своим длинным факелом, а Роман пытается запустить механизм лебедки. Но в нем что-то заело.

Надо им помочь. Без меня у них ничего не получится.

Я отдаю приказ, обращенный ко всем:

– ВСЕ К ЛЕБЕДКЕ!

Пифагор, Анжело, Эсмеральда и я торопимся туда, чтобы всеми силами их защищать.

Я держусь у ног своей служанки, орудуя факелом.

Тем временем Роман находит причину неполадки: крысы, попавшие в паз лебедки, оказались раздавлены, и их трупы мешают цилиндру вращаться.

Человек выковыривает их оттуда ножом. Очистив паз, он крутит рукоятку. Механизм начинает действовать, цепь наматывается на ось.

Одна из крыс, воспользовавшись тем, что я на секунду отвлеклась, вцепляется мне в плечо, еще одна кусает меня в живот. Мгновение – и я уже отбиваюсь от целых трех.

На помощь мне приходит Наполеон. Бордер-колли издали увидел, что мне худо, и спешит на выручку.

Храбрый пес.

Он срывает с меня крыс и убивает одну за другой. Отведя угрозу от меня, он сам оказался в опасности. Крыса прыгает ему на лапу и глубоко ее прокусывает, заставляя пса визжать от боли. На его беду, душераздирающий визг привлекает других грызунов, которые мигом виснут на нем со всех сторон, как до того висели на Бадинтере.

Я бы рада помочь, но уже поздно. Тварей столько, что я тоже рисковала бы испустить под ними дух.

Прощай, Наполеон.

Якорь, наконец, поднят, крысы остались без абордажной лестницы.

Поднимается ветер, маленькие волны на глазах вырастают во все более высокие, грозные валы. Ветер гонит их к берегу, отчего нашим противникам все труднее достигать судна.

Оставшиеся на палубе грызуны дерутся с гибельным отчаянием.

В жизни не видывала таких агрессивных крыс.

Но их количество постепенно уменьшается.

Мы одерживаем верх над последними изможденными воинами. Они лишаются способности причинять нам вред, а потом и жизни.

Все успокаивается, воцаряется тишина. Слышен только рокот прибора.

– **МЫ ПОБЕДИЛИ!** – кричит Шампольон сначала на кошачьем языке, потом на человеческом.

Так-то оно так, но какой ценой...

Вокруг нас валяются сотни трупов: это не только толстые американские крысы, но и люди, собаки, свиньи.

Невредимыми остались, не считая меня самой, только Натали, Роман, Пифагор, Анжело, Шампольон и Эсмеральда.

Нас было 274, а теперь осталось только... семеро.

Новая ситуация – то, что мы так быстро понесли такие тяжелые потери, – отчасти застает меня врасплох.

Вижу покрытое глубокими ранами бездыханное тело Наполеона. Тело Бадинтера – одна сплошная рана, розовое кровавое месиво.

Не могу отвести глаз от всех этих кошек, людей, собак, свиней, совершивших вместе с нами переход через океан. Я уже начала их различать, считала их будущими пионерами заокеанского материка. Теперь они – всего лишь груды мяса,

привлекающие мух.

Моя мать говорила: «Ни к кому и ни к чему не привязывайся, потому что все окружающие от тебя обязательно уйдут».

– МЫ ПОБЕДИЛИ! – повторяет Шампольон, как будто взявшийся уговорить нас, что у разразившейся катастрофы есть положительные стороны.

Лично у меня к этому совсем другое отношение. Обуревающее меня чувство – это даже не страх. *Как лучше это объяснить?*

Я чувствую, что если наши приключения так плохо начинаются, то есть очень мало надежды, что в дальнейшем все образуется.

Еще моя мать говорила: «Когда ты на дне ямы, остается одно – выбираться из нее». Увы, в данном случае я склоняюсь к тому, что не просто нахожусь внизу, но и вот-вот провалюсь еще глубже.

Нет, ни о какой победе, которую торопится провозгласить Шампольон, говорить не приходится.

Если только думать, что избежать смерти – уже значит одержать какую-никакую победу.

Напрашивается вывод, что решение причалить к американскому континенту было полностью... ошибочным.

Роман и Натали пытаются оказывать помощь тем людям, которых, может быть, еще можно спасти, но терпят неудачу. Раненых на палубе нет, одни лишь мертвые и умирающие.

Мне остается отдать приказ:

– Отходим от берега!

Натали встает к штурвалу, Роман поднимает паруса.

Я вылизываю свои раны – это способ дезинфекции. Мне повезло: все раны поверхностные, защитой мне послужила густая шерсть.

Вскоре я замечаю, что Роману плохо удастся управлять судном.

– Что-то не ладится, – сообщает он и лезет в трюм.

– Крысы перегрызли ремень, соединяющий руль с пером руля, – докладывает он, снова появляясь на палубе.

За время плавания я разобралась, как устроен корабль. Сейчас речь идет о системе контроля направления.

– Это можно исправить? – спрашиваю я Романа.

– Ремонт займет целый день, – предупреждает он.

– Что если крысы вернуться? – волнуется Эсмеральда.

Я спешу с ответом:

– Вернутся – будут отброшены так же, как в первый раз.

Главное – не опускать в воду якорь. Нас будет сносить, ну да ничего.

– Как поступим с убитыми? – интересуется Анжело. – Можно съесть крыс? Какое-никакое разнообразие после рыбы...

Тем временем двое выживших людей сваливают за борт крысиные трупы и складывают на крыше капитанской рубки тела наших товарищей. Видя их неподвижными, я испыты-

ваю странное чувство.

Прощайте, друзья.

Особенно мне жалко пса Наполеона.

Пифагор замечает мое состояние.

– Грустишь?

Я вздыхаю и лаконично излагаю суть мучающей меня мысли:

– Он погиб при попытке спасти мне жизнь. Иногда у меня бывает впечатление, что все любящие меня плохо кончают.

– Ты могла бы поблагодарить Эсмеральду, – подсказывает мне Пифагор. – Она тоже спасла тебе жизнь и, между прочим, выжила.

Я нахожу взглядом желтоглазую черную кошку, выбрасывающую в море трупы.

– Удивительное дело!

– Увидев, что ты упала с мачты, она без колебаний спрыгнула с борта в море, чтобы тебе помочь.

– Неужели? Я приняла это за простое совпадение: решила, что она упала одновременно со мной, – говорю я, чтобы избежать необходимости выражать малейшую признательность этой кошке, все сильнее меня раздражающей.

Эсмеральда направляется к нам. Проклятье, несмотря на расстояние, она, наверное, услышала наш разговор.

– То, что я пришла к тебе на помощь, Бастет, – обычное дело, тебе угрожала смертельная опасность, – мяукает она. – Уверена, ты на моем месте поступила бы так же.

Лично я не так в этом уверена, но сейчас не до споров.

– Вы всерьез считаете, что сейчас уместно решать такие проблемы? – вмешивается Пифагор, понимающий, что от нашего диалога не приходится ждать ничего хорошего.

Натали и Роман сбрасывают тела в море. Начинают с крыс, потом приходит очередь кошек, собак, свиней и, наконец, людей.

Что до меня, то участвовать в уборке ниже моего достоинства, поэтому я довольствуюсь пожиранием крысиной головы – источника энергии, необходимой для размышления.

Недаром моя мать говорила: «Лучший способ понять врага – съесть его мозги».

Люди доводят до конца свою скорбную миссию. Палуба опять свободна. Натали предлагает провести небольшую траурную церемонию. Она погрузила в шлюпку, не учитывая видовую принадлежность, тела тех, кого мы знали чуть лучше остальных. Это десяток людей, Бадинтер, Наполеон и две-три кошки, к которым мы испытывали наибольшую симпатию.

Подвесив шлюпку на тросы спускового крана, моя служанка произносит короткую прощальную речь.

– Все они были невероятными. Они погибли сегодня ради того, чтобы мы, семеро выживших, могли жить дальше.

Я мысленно договариваю:

Будем надеяться, что они погибли не напрасно и что мы отыщем наконец искомое – счастье.

Перечислив погибших по именам, Роман Уэллс включает музыку. Из громкоговорителей «Последней надежды» льется «Реквием» Моцарта.

Натали выливает на тела канистру бензина, шлюпка касается воды. Дождавшись, пока погребальный челн отплывет на достаточное расстояние от борта, она выпускает из ракетницы красную ракету. Заряд попадает в шлюпку, и ее тотчас охватывает пламя. Знаю, люди называют это «кремацией». По-моему, только люди уничтожают тела своих соплеменников вместо того, чтобы их съесть или оставлять на пожирание червям для возвращения в круговорот экосистемы. По мне, это расточительство, но я не осмеливаюсь высказываться на сей счет.

Наверное, под влиянием людей и печальной музыки Моцарта я перерождаюсь: меня посещает некое ощущение, смесь облегчения оттого, что я выжила, и сожаления из-за смерти этих конкретных людей и зверей, которые уже не смогут меня развлекать.

До меня еще не дошло, что в самый первый день мы понесли такие колоссальные потери.

Я мысленно подвожу итог: 140 кошек, 10 людей, 65 свиней и 52 собаки... И все пали в одном-единственном сражении продолжительностью всего в двадцать-тридцать минут...

Лиха беда начало.

Меня душит тревога.

Тихо опускается ночь. Я не свожу взгляд с полной тел

шлюпки, превратившейся в желтый огненный шар, и говорю себе, что вместе с телами улетучиваются, как дым, наши мечты об убежище, где мы обрели бы, наконец, спокойствие.

Выходит, самые большие невзгоды припасены для оставшихся в живых.

Музыка Моцарта, горящая шлюпка, звездная ночь, память о павших – все это приводит меня в странное состояние. В памяти всплывают все эпизоды прошлого, предшествовавшие теперешнему положению. Одновременно у меня такое чувство, что у меня вот-вот лопнет голова.

4. Так ли необходима голова?

Может ли животное жить без головы?

Невероятное приключение петуха Майка как будто доказывает, что да, может.

В 1945 году его владелец, Ллойд Олсен, житель штата Колорадо, отрубил ему голову с целью приготовления ужина для ожидаемой в гости тещи.

Однако обезглавленная птица востропнулась и как ни в чем не бывало заходила по двору. Что еще удивительнее, петух крутил шеей, как будто собирался клевать корм или приводить в порядок свое оперение. Удивленный фермер решил сохранить ему жизнь. Он кормил его из пипетки то водой, то толченой кукурузой. Когда трахея забивалась пищей, он прочищал ее иглой шприца. Никто не хотел верить этой истории, над Ллойдом Олсеном все потешались, поэтому он отвез петуха в университет Юты, где ученые зафиксировали реальность явления. Разразилась сенсация, о ней написала «Таймс», Майк и его владелец отправились в турне по стране. Люди платили по 25 центов, чтобы поглазеть на живого обезглавленного петуха.

На пике своей популярности Майк приносил Олсену больше денег, чем вся ферма.

Однако 13 марта 1947 г., находясь в мотеле города Феникса, Майк подавился, а при Олсене не оказалось спасительно-

го шприца.

Петух умер, прожив без головы полтора года. Олсен пытался воспроизвести чудо, пожертвовал целой стаей домашней птицы, но вынужден был констатировать, что его Майк был единственным и неповторимым.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.

Том XIV

5. Скорбь

Другие погибли, а я жива.

Я поворачиваюсь к окну капитанской рубки и вижу в стекле свое отражение: великолепную кошачью особь с зелеными глазами и длинной черно-белой шерстью, с черным сердечком на морде.

Это я.

Ее величество Бастет.

Что я здесь делаю?

Почему все это со мной происходит?

Прежде чем я продолжу, те, кто не забыл о предшествовавших событиях, могут пропустить эту главу.

Всем остальным я напомню, что нас сюда привело.

Сначала я была спокойной домашней кошкой, чьи дни не отличались один от другого, чья миска всегда была полна сухого корма одного и того же вкуса. Чем я занималась? Дремала и ждала возвращения моей служанки Натали.

Первой целью, которую я ставила перед собой в те времена, была коммуникация с окружавшими меня живыми существами: людьми, золотыми рыбками, мышами, голубями.

Тогда я думала, что все существа могут общаться духовно, однако результаты были весьма ограничены.

Поэтому я отказалась от своего благородного проекта и спасалась от скуки наблюдением за улицей с балкона.

Что я обычно наблюдала?

Людей, ходящих на двух задних лапах. Паркующиеся автомобили. Воркующих голубей. Гадающих на тротуар собак. Бесящих меня мух.

Ничего вдохновляющего.

Иногда шел дождик, иногда выпадал снег, иногда летели по ветру листья.

Вечером, когда начинало смеркаться, моя служанка Натали, вернувшись домой, гладила меня, насыпала мне в миску корм и наливала мне воды, я ела, пила, умывалась и отдыхала, чтобы завтра повторить все то же самое.

Будущее было для меня всего лишь повторением всей этой пресной деятельности.

Но однажды случилось неожиданное.

Я увидела, как бородатый мужчина во всем черном палит из ружья по детям из соседнего дома, твердя при этом одну и ту же фразу.

Казалось, ему доставляет удовольствие их убивать.

Это было совершенно непонятно. Я стала задаваться вопросами насчет людей.

Кто эти животные?

Потом я обратила внимание на сиамского кота, жившего в соседнем доме, и завязала с ним беседу. Его звали Пифагор. Он показал мне свой Третий Глаз – гнездо USB во лбу, позволявшее ему подключаться к компьютерам и лазить в Интернете; для этого не требовалось ничего, кроме его мысли.

Так он мог впитывать человеческую премудрость.

Он объяснил, что бородач в черном – религиозный фанатик, который убивает совершенно незнакомых детей, потому что воображает, что это доставляет удовольствие его вымышленному богу.

Разве не причудливая схема?

У людей все очень быстро пошло под откос. Разразившаяся гражданская война покончила с хрупким общественным порядком, управлявшим их жизнью. Религиозных фанатиков становилось все больше, их жестокость возрастала. Рухнула вся человеческая организация. Прекратился вывоз мусора, и теперь отбросы громоздились кучами, кишевшими тараканами и прочими вредными тварями. Ворон стало не меньше, чем голубей.

Тысячи крыс, этих обитателей подвалов, канализации и тоннелей метро, вылезли ради пропитания на поверхность. У них пропал страх перед людьми, как и перед кошками, кстати. Они чрезвычайно размножились и распространили новую заразу. Дезорганизованные люди не смогли ей противостоять, потому что религиозные фанатики перебили слишком много светских ученых, а без них некому было создать вакцину.

Цивилизация, строившаяся столько лет, разваливалась на глазах.

Так я познакомилась с хрупкостью цивилизаций.

Мы с Пифагором быстро смекнули, что если ничего не

предпринимать, то случится худшее: вместо людей владыками мира станут вытеснившие их крысы.

И произойдет это необязательно в интересах кошек.

Пора было реагировать.

Лично я думаю, что историю мира в силах изменить любой – настолько, насколько видит в себе способность к этому.

Даже вы – да-да, вы, читающие меня сейчас, – сумели бы изменить историю мира, если бы не побрезговали за это взяться.

Не ленитесь.

Отбросьте страх.

Осмеливайтесь думать самостоятельно, не озираясь на чужое влияние. Даже на мое.

Нет, я не шучу: какими бы незначительными вы себя ни считали, у вас, уверена, непременно есть качества, которым пора проявиться.

Я, по крайней мере, нисколько в этом не сомневалась и не сомневаюсь: я способна изменить историю мира.

Вся разница между мной и вами в том, что у вас кишка тонка, смелости недостает, не то что у меня: мне хватило дурости, чтобы ввязаться в эту безумную авантюру.

Осуществив свою первую цель – установив связь с другими видами, я перешла ко второй: помешать крысам заполнить весь мир.

Я убедила Пифагора, что надо действовать без промедления.

Мы обзавелись союзниками: другими кошками, другими людьми, а еще собаками, свиньями, одним какаду. И начали наступление, ведомые коллективной волей спасти мир.

Но нам противостояли несметные полчища крыс.

Мы побеждали их в эпических битвах.

Мы несли тяжелые потери.

Нам приходилось спасаться бегством.

И все же пережитое позволило нам приобрести кое-какие преимущества. Роман Уэллс вживил мне в центр лба Третий Глаз – гнездо USB, чтобы я не хуже Пифагора могла общаться с людьми и с компьютерами.

Я возглавила сопротивление.

В одной из успешных вылазок я скачала на флешку расширенную версию Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания, вмещающей все познания человечества. Так мне стало доступно еще более обширное знание мира.

Однако крысиный царь, грозный Тамерлан – выращенная в лаборатории крыса, тоже оснащенная Третьим Глазом, – узнал о принадлежащем мне сокровище.

Он без устали нас преследовал, вынуждая непрерывно спасаться бегством. Наилучшим убежищем я сочла океан, поэтому, взойдя на борт большого парусного судна «Последняя надежда», мы поплыли в Америку, где, как нам поведали, имелось безотказное средство для уничтожения крыс. Но нас ждало разочарование: эти сведения оказались ложными или устаревшими. За эту науку мы только что заплатили до-

рогую цену. Крупная неудача – но еще не основание для отказа от моих целей.

Я хочу, чтобы в один прекрасный день все живое на Земле восславило меня как свою царицу, а может, и как мою тезку из древних времен – египетскую богиню Бастет.

Я чувствую себя способной установить мир среди всех видов животных, которые объединятся в поклонении мне.

Пусть мое честолюбие выглядит непомерным, но, как говорила моя мать, «Лучше ставить себе преувеличенные цели, тогда и их достижение всего наполовину будет недурным результатом».

6. Наша персональная легенда

Разум каждого из нас находится в плену собственной легенды.

Каждый непрерывно ее себе рассказывает и в конце концов убеждает себя, что это единственная и неповторимая реальность, тогда как в конечном счете это всего лишь субъективный и неминуемо искаженный подход к реальности.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.
Том XIV

7. Огни в ночи

Полная луна постепенно скрывается за густыми облаками.

Я не могу оторваться от завораживающего зрелища костра, пожирающего трупы в шлюпке и озаряющего ночь.

Ветер несет в нашу сторону дым и тревожащий запах обугленных тел.

Я дышу тем немногим, что осталось от моих друзей.

Сквозь стелющийся по воде туман, подсвеченный пламенем, я вижу моих спутников: моего сына Анжело – рыжая шерсть, зеленые глаза; черную зеленоглазую Эсмеральду; сиамца Пифагора с серебристой шерстью, такого синеглазого.

Он красавец, мой кот.

К шуму ветра и треску огня примешивается еще один звук.

Это плач Натали. У нее еще не прошел шок. По ее щекам катятся слезы. Я слизываю их, потому что обожаю этот вкус, потом отстраняюсь и наблюдаю за ней. Кажется, я уже описывала вам ее внешность, но для тех, кто, возможно, забыл, как она выглядит, я опишу вам мою служанку.

Натали – замечательный человек, которого я оценила по достоинству на опыте наших недавних приключений.

Начнем с того, что у нее довольно распространенный тип женской внешности, именуемый «брюнеткой»: черная шевелюра, белая кожа. На ней кроссовки, джинсы, белая хлопча-

тобумажная блузка. Грудь маленькие, волосы стянуты красной резинкой.

Она довольно миниатюрна, у ее кожи и пота характерный запах, иногда она смахивает на испуганную мышку (в данный момент скорее на мышку в полнейшей панике).

– Перестаньте, Натали, не надо унывать. Мы остались в живых, а это главное. Пока мы живы, все еще возможно.

Она смахивает слезинку и пытается улыбнуться.

– Как насчет того, чтобы сделать кое-что полезное, Натали?

Она не понимает, на что я намекаю.

– Будьте так добры, почешите мне шею снизу вверх согнутым пальцем.

Она повинуется. К счастью, у нее ногти подходящей длины: они погружаются в мою шерсть, но не расчесывают мои раны. Я поощрительно урчу и при этом вспоминаю то, что знаю о своей служанке: жизнь у нее всегда была так себе.

Она жила в паре с мужчиной, неким Тома, убийцей моих детей (предлогом к убийству стало то, что им не удалось от них избавиться, повесив объявления в булочной с предложением взять котят!). Погибли все, за исключением Анжелло, которому повезло родиться рыжим, этот окрас они сочли сочетающимся с расцветкой своего дивана. Но потом Натали взялась за ум. Общась со мной, она набралась решимости стать хозяйкой своей судьбы, обрести отвагу, боевитость, независимость. Благодаря мне она познакомилась с Романом

Уэллсом – молодым ученым, страстно преданным делу сохранения всех познаний человеческой цивилизации.

Роман Уэллс – шатен в толстых очках, пахнувший древесиной. Когда ему становится страшно, от него пахнет грибами.

– Выше, – вынуждена я приказывать Натали. – Правее. Теперь ниже. Да, вот здесь. Еще. Чешите сильнее, пожалуйста. Ногтями, ногтями. Да, еще сильнее!

На мой взгляд, цель жизни Натали не вполне ясна. Послушать ее, так она не прочь вступить в любовную связь с каким-нибудь мужчиной – этих отношений ей вполне хватило бы. В этом плавании я изучила историю власти у людей, а также историю их эмоций. Странная штука – это человеческое понятие «Любовь с большой буквы».

Самое удивительное, Натали удалось меня убедить, что стоит испытать эту любовь на человеческий манер, сопровождаемую разными причудливыми ощущениями. В результате я тоже стала немного ревнивой, преисполнилась собственнических чувств в отношении моего самца, кота Пифагора. Могу вам гарантировать, что такой подход вовсе не способствует гармонии наших отношений.

– Еще ниже, служанка.

Натали чешет сильнее.

– Мне страшно, – признается она.

– А мне нет, – вру я.

– Не представляю, как мы из всего этого выпутаемся.

Я со вздохом заявляю:

– Все всегда рано или поздно устаканивается. Я... как это называется у вас, людей?... – фаталистка.

Ревностнее, чем когда-либо, я пытаюсь ее отвлечь.

– Вот скажите, Натали, что еще я могу предпринять, чтобы «в максимальной степени приблизиться к людям» и достичь трех целей, которые я перед собой ставлю: 1) любовь, 2) юмор, 3) искусство?

– Чтение, – отвечает она мне, поразмыслив. – Ты должна овладеть единственной прочной культурой – книжной. Дальше письмо. Книга – средство закрепления твоей мысли. Тому, кто владеет книгой, подвластны время и пространство. Книга обеспечивает безграничное распространение мысли. Только книга дарует мысли бессмертие.

Моя мысль бессмертна?

Вообще-то, умудрившись остаться в живых, я стала еще серьезнее относиться к необходимости оставить после себя след.

– Хочу, чтобы вы написали мою биографию, я стану вам диктовать. Хочу, чтобы мой разум пережил гибель моей телесной оболочки.

– Мне очень жаль, Бастет, но мы это уже обсуждали. Мой ответ – нет.

– Почему же, служанка?

– Ты хочешь быть необыкновенной кошкой? Возомнила себя царицей? Научись писать, Бастет! Писать и диктовать – разные вещи. Ты должна самостоятельно все это записать,

чтобы быть уверенной, что в точности выразила свою мысль.

– Насколько я знаю, Юлий Цезарь продиктовал «Галльскую войну» своим писцам.

Ее впечатляет этот ловкий аргумент, но потом она вспоминает, как много времени я посвятила изучению висящей у меня на шее Энциклопедии.

– У меня есть предложение получше: это то, что подтвердит законность твоих притязаний. Речь о космогонии.

– Это еще что такое?

– Учение. Основополагающий трактат о причинах существования мира в его реальном виде. Это будет эталон, твое объяснение всего сущего тем, кто задается вопросами о происхождении мира и о смысле жизни в нем.

– Вы считаете, что это лучше личного дневника?

– Это была бы своего рода кошачья Библия.

Эта перспектива повергает меня в задумчивость. Она продолжает:

– Ты объяснишь в ней давнее, забытое прошлое. Во всяком случае, изобретешь кошачью легенду. Предскажешь отдаленное будущее. Благодаря этому ты не просто станешь той, кем мечтаешь стать, – царицей. Бери выше! Ты превратишься в пророчицу! Ты подробно расскажешь, как стала той, кем стала, – по примеру Авраама, Моисея, Иисуса Христа...

Пророчица? Интересный вариант! Иногда моя представительница человеческой породы, даром что она – всего лишь че-

ловек, делает весьма изощренные предложения, под стать не человеческому, а кошачьему уму.

– Вы уверены, что пророчица лучше царицы?

– Быть царицей значит всего лишь царствовать. Царица командует на войне и повелевает. Продолжается это недолго. Другое дело пророчица: она продолжает распространять свою мысль даже после смерти. Она влияет на царей и цариц, приходящих после нее, самой силой своих идей. Быть пророчицей, – продолжает она, – это придавать смысл прошлому и выводить из этого будущее. Быть пророчицей – это иметь свое собственное, оригинальное представление о будущем. Думаю, ты на это способна, Бастет.

Никогда еще мне не делали комплиментов такой силы. От этого разговора я чувствую мощный прилив нежности к моей служанке. Может быть, мне следует сильнее ее любить. Может быть, она мне не просто служанка, а партнер по жизни, уж больно хороши ее советы. Пожалуй, к ней можно относиться как к равной мне.

– К счастью, Эсмеральда тебя спасла, – говорит она. – Ты ее поблагодарила?

Снова-здорово! Приспичило всем им, что ли, чтобы я унижалась перед этой кошкой? Одна фраза – и все пошло на смарку. В тот самый момент, когда я уже была готова отнестись к Натали с большим уважением, она жестоко меня разочаровала.

Я мяукаю, она слышит в своем наушнике перевод:

– Полагаю, вы не поняли, что произошло. Правда вот в чем: поскольку никто не поднимал якорь и крысы лезли и лезли на корабль по якорной цепи, я сознательно спрыгнула с верхушки мачты, чтобы посеять панику среди поднимающихся на борт крыс. С некоторых пор я умею плавать, поэтому я навязала им морской бой и задержала их. Мой маневр полностью удался, мне никто не был нужен. Эсмеральда плюхнулась в воду по собственной оплошности.

– Вот оно что! – удивляется Натали. – Я думала совсем по-другому.

– Рада, что истина восторжествовала. Никому не позволю ее исказить.

Когда я произношу эти слова, в моей голове оживают все диктаторы-лжецы (их история знакома мне по РЭОАЗ). Помнится, Карл VII оспаривал роль Жанны д'Арк в победе над англичанами, Робеспьер отрицал роль Дантона во Французской революции, Сталин – роль Троцкого в русской революции.

Одновременно я понимаю, что залог царствования – неблагодарность. Приходится непрерывно выстраивать свою собственную версию прошлого в зависимости от текущих событий, чтобы создавать впечатление, будто все предусмотрено, все под контролем.

Так или иначе, я говорю себе, что Натали, вероятно, права. Мне надо написать «мою» Кошачью Библию, тогда я обрету ранг пророчицы.

Я показываю ей знаком, что она мне больше не нужна, и подхожу к Пифагору.

– Смерть наших соратников усиливает мое желание жить на всю катушку, – урчу я ему на ухо.

Я покачиваю бедрами, трясую хвостом, трепещу ресницами, потом прижимаюсь носом к его носу – примерно так, как делают, согласно моим наблюдениям, люди.

– Поцелуй меня! – властно произношу я.

Это и есть, по-моему, подлинный феминизм: проявлять свое желание, а не ждать первого шага от мужского пола.

Эту сдержанность еще называют глупым словечком «целомудрие».

Целомудрие – ловушка, изобретенная, должно быть, мужчинами, чтобы помешать женщинам выражать то, что они чувствуют, в то время как они сами что хотят, то и воротят, не испытывая никакого смущения.

Подражая людям, я целую его в рот (вообще-то это противно, но раз люди так делают, значит, это современно и должно понравиться Пифагору). Мы лижем друг другу язык. Потом я врезаюсь ему в бок, как будто толкаю, переплетаю наши хвосты так, чтобы получилось сначала сердечко, потом косичка.

Словом, прежде чем заняться Кошачьей Библией, я намерена продолжить свое исследование «любовных чувств на человеческий манер». Это приятное промедление позволит мне забыть всю жестокость прошедшего дня. Мне это нужно

позарез.

Но вдруг, когда я уже готова к телесному слиянию с партнером, мое внимание привлекает нечто странное.

С крыши здания, высящегося на берегу, нам подаются сигналы: повторяющиеся серии из трех вспышек света.

Эти сигналы мешают мне сосредоточиться. Я высвобождаюсь.

– Посмотри туда! – Я указываю на крышу здания, туда, где вспыхивает и гаснет свет.

Этим дело не ограничивается: во многих окнах здания горит свет. Завороженные костром на шлюпке, мы проявили невнимательность к происходящему на Манхэттене.

– В этом здании остались люди! – подтверждает Роман Уэллс, приставивший к глазам бинокль. – Я даже вижу движущиеся за окнами тени.

– Как люди смогли выжить, когда вокруг столько крыс? – не верит Эсмеральда.

– Засели на верхних этажах, вот как! – восклицаю я по наитию. – Их спасением оказалась высота этих башен.

– Надо причалить, высадиться и соединиться с ними, – торопится с выводом Анжело, не знающий, что такое размышление.

– Сперва надо с ними поговорить, – предлагает более реалистичная Эсмеральда.

– Я могу туда слетать, – вызывается попугай Шампольон. – Напоминаю, что владею одним из человеческих языков – ан-

глийским.

– У окон в зданиях такого рода двойное застекление, они не открываются, – возражает Роман. – Звук они тоже не пропускают. Увы, Шампольон, даже если ты станешь маячить за окнами, тебе останется только колотить клювом в стекло. Шансы вступить с ними в контакт близки к нулю.

– Все равно полечу, наверху должны быть люди, кто-то ведь мигает оттуда фонарем! Наверное, там терраса, они на ней. Я мигом, одно крыло там, другое здесь, – обещает птица и уже расправляет длинные белые крылья, чтобы взлететь.

– Шампольон прав, надо торопиться! Даешь вплавать! – кипит Анжело.

Таков мой сынок во всей красе: вечно его посещают дурные идеи, причем в самый неподходящий момент.

– Нет, – решает Роман Уэллс, – лучше ответим на их сигналы отсюда.

Натали выпускает из ракетницы новый пылающий красный заряд, освещающий фасады Нью-Йорка.

Роман Уэллс хватает электрический фонарь и сигналил в ответ людям на крыше сериями из трех вспышек. Потом он меняет систему: три короткие вспышки, три длинные, три короткие, пауза.

После того как французский ученый проделывает все это снова, с крыши отвечают наоборот: сначала три длинных сигнала, потом три коротких и так далее.

– Это азбука Морзе, – объясняет Натали, – старинный спо-

соб связи на расстоянии при помощи огней или звуков. Данная последовательность означает SOS: «спасите наши души».

В очередной раз я впечатлена способностью людей решать проблемы связи на расстоянии. Азбука Морзе так азбука Морзе.

Обязательно справлюсь в своей РЭОАЗ об истории этой системы и о том, как она действует.

Люди на крыше здания выдают в ответ совершенно дру- гую последовательность вспышек.

– А что это означает на вашем языке Морзе?

– Четыре буквы: С О М Е, «придите» по-английски.

Роман мигает им в ответ.

– Что он им отвечает?

– Спрашивает, как подняться к ним наверх.

Световой диалог между зданием и «Последней надеждой» продолжается – а потом вдруг прерывается.

– Больше не хотят? – волнуюсь я.

– Говорят, что покажут, как к ним попасть.

Мы ждем.

Крепчающий ветер разгоняет облака, в чистом небе всюю сияет полная луна, озаряющая все вокруг.

К кораблю подлетает и зависает над нами, жужжа и мелко вибрируя, листик клевера с четырьмя лепестками из флуо- ресцентного желтого пластика.

– Дрон! У них есть дроны! – радуется Натали.

С дрона свисают два троса.

Возобновляются сигналы Морзе, объясняющие, как надо действовать.

– Надо прикрепить эти тросы к неподвижной точке на корабле, – переводит Роман. – Так мы попадем на крышу.

Вспомнив наше приключение в Руане, я спрашиваю:

– По принципу «зиплайна»?

– Типа того, только здесь не получится скользить сверху вниз. Нас будут тянуть вверх, – уточняет Натали, уже крепящая конец троса к палубе.

Роман тем временем крутит лебедку и опускает якорь, чтобы закрепить корабль на месте.

Наконец, мы видим висящее на ролике пластмассовое кресло.

– Что-то я не в восторге от мысли о таком подъеме, – ворчит Пифагор. – Как тебе известно, высота вызывает у меня головокружение. – Он весь дрожит и ничего не может с собой сделать.

– У тебя уже есть опыт, – вразумляю я его.

– Там было не так высоко.

– Как будто ты не летал на воздушном шаре! Между прочим, он взлетал еще выше, чем крыша этого небоскреба.

– Так-то оно так, но там можно было свернуться на дне корзины и не смотреть вниз. А здесь негде спрятаться.

У него на все есть ответ.

– А кто лазил на мачту? На мачте у тебя не кружилась

голова?

– Мачта твердо закреплена на палубе. Хочу – спущусь. А здесь изволь болтаться в пустоте и не иметь возможности ни спрятаться, ни вернуться назад.

Ну и трусишка!

– Опять крысы! – докладывает Эсмеральда.

Смышленные твари засекли, должно быть, наши световые «переговоры» и снова плывут в нашу сторону. На беду, в воду спущен якорь, стабилизирующий «зиплайн», значит, крысы опять полезут на борт по цепи.

– Увы, – говорю я Пифагору, – у нас нет выбора.

Моя служанка уже сидит в кресле. Я прыгаю ей на колени. Ко мне присоединяется Анжело. Эсмеральде тоже хочется в небо.

– Только не ты! – мяукаю я.

– Это почему?

– Это место Пифагора. Ты поднимешься с Романом. – Я поворачиваюсь к своему коту, дрожащему от страха.

– Давай скорее!

– Учти, Бастет, у меня дурное предчувствие.

– Что ты предпочитаешь: настоящих крыс или воображаемое головокружение?

В конце концов сиамец с синими глазищами соглашается к нам примкнуть и устраивается на коленях у моей служанки.

– Не смотри вниз, и дело с концом.

Не иначе как для того, чтобы прервать этот диалог, трос напрягается и тянет нас наверх.

Корабль остается внизу, мы взмываем над морем. Сверху хорошо видна колонна крыс, плывущих штурмовать «Последнюю надежду». Им не везет: волны отбрасывают их назад, к берегу, но они чрезвычайно упорны.

Мы поднимаемся все выше.

Я чувствую, как у Пифагора, большого мудрого Пифагора, дрожит мелким бесом каждая шерстинка. Он не открывает глаз и на всякий случай зажимает себе лапами веки.

Небоскребы все ближе, лязг ролика все громче, все страшнее.

Сюда, Нью-Йорк! Сюда, Америка! Ко мне!

Я все больше убеждаюсь, что нас затягивает слишком высоко. В Париже я таких высоких домов не видела.

Если я упаду с такой высоты, то мне несдобровать, даже если получится мягко приземлиться на все четыре лапы.

Лично я, в отличие от Пифагора, не страдаю страхом высоты, но он, бедняга, дрожит все сильнее.

Луна освещает Нью-Йорк.

Сверху этот город выглядит еще более странным. Здания и вправду гигантские, зловеще мерцающие стеклянными гранями.

Беда в том, что ветер все сильнее раскачивает кресло. Тащущий нас вперед и вверх трос вдруг замирает, и мы повисаем над бездной.

Нас сотрясают порывы ветра. Пифагор сходит с ума от ужаса.

Удивительное дело: такой культурный, такой умный – и при этом такой отъявленный трус.

Натали тоже вскрикивает, ей тоже беспокойно висеть вот так, в пустоте.

Анжело цепляется за меня, я – за Натали, она – за пластмассовое сиденье. За меня, кроме сыночка, цепляется Пифагор: так впивается когтями мне в шерсть, что вот-вот доберется до кожи.

– Спокойно, Анжело, сейчас поедem дальше.

Мы по-прежнему висим без движения, Натали уже голос сорвала, крича в небеса:

– Эй, там, наверху, вы меня слышите?

В ответ глухое молчание. Оборачиваясь, мы уже не видим «Последнюю надежду», которую, наверное, берут на бордаж крысы.

Внезапный порыв ветра едва не переворачивает наше кресло. Натали теряет равновесие и сползает с сиденья. На счастье, она инстинктивно хватается за его край правой рукой. Та еще картина: кресло висит на тросе, Натали – на сиденье кресла, я вцепилась передними лапами в ее одежду, Анжело держится за мою правую заднюю лапу, Пифагор – за левую.

Надежность всей конфигурации крайне сомнительна.

– Я держусь из последних сил, – предупреждает меня Пи-

фагор, глядя вниз.

– Хватай меня за хвост.

Мы перегруппируемся, получается косичка.

Анжело возится, но в результате возни меняет свое положение на более удобное – для него.

Следующий порыв ветра едва не переворачивает наши качели вверх дном.

Нас поглощает непроницаемое сырое облако, что, возможно, даже к лучшему, потому что мы больше не видим ничего вокруг нас.

Чувствую, мне в кожу вонзаются сыновьи коготки.

Два кота, висящие на моих конечностях, – тяжелый груз; нужна быстрая перемена к лучшему, иначе я разожму хватку, и вся наша хвостатая троица ухнет в пустоту.

Я совсем несильно напрягаю правую лапу, за которую держится Анжело, и так же, самую малость, ослабляю левую – последнюю надежду Пифагора.

Пифагор вдруг перестает за меня держаться и с душераздирающим мяуканьем летит вниз.

ПИФАГОР!

Упал! Мой рассудок не в состоянии смириться с этой мыслью.

Нет, этого не может быть.

Я не сразу осознаю произошедшее.

Пифагор... мертв...

ПИФАГОР, МОЙ ПИФАГОР, УПАЛ ВНИЗ!

Я сделала выбор в пользу своего сына и пренебрегла своим котом.

Это моя ошибка... Что я наделала?

Моим задним конечностям стало легче, но Анжело, как всегда, находит не лучшие слова.

– Уф, мама! Теперь мы, пожалуй, выпутаемся.

Верен ли мой выбор?

8. О сложности выбора

Как выбирать?

В «Принце» Макиавелли рассказывается о короле, всегда принимавшем решения в зависимости от того, как выпадали кости. Его современник, правивший государством того же размера, напротив, пускал в ход ум и логику. По утверждению Макиавелли, в конечном счете оба добивались одного и того же результата. Из этого итальянец заключает, что размышление необязательно гарантирует верный выбор, но и действия наобум необязательно чреватые провалом.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.
Том XIV

9. Без него

ПИФАГОР МЕРТВ!!!

Анжело карабкается на меня, я – на Натали, а та, подтянувшись, снова садится в кресло.

А кресло возобновляет движение к верхушке здания.

Мы выползаем из тучи. Я пронзаю взглядом разверзшуюся под нами бездну.

ПИФАГОР МЕРТВ.

У меня не получается с этим примириться.

Мне приснился страшный сон, пора проснуться.

Я делаю глубокий вдох.

Мне срочно нужно вернуть самообладание.

Я шлю ему прощальную мысль:

Пифагор, я никогда не забуду, что это ты превратил прежнюю невежду в сознательную кошку.

Ты отомкнул мне разум, а потом Третий Глаз отомкнул мне голову.

Я говорила тебе о своей любви, но сейчас думаю, что могла бы любить тебя еще больше.

Если бы я знала, что произойдет, то я бы, быть может... я бы... Что бы я, собственно, предприняла?

Я ищу слова, но не нахожу.

Проклятье, Пифагор, что тебе стоило вцепиться, как я, в Натали? Тогда бы мне не пришлось...

А дальше?..

Мне не пришлось бы сделать выбор и потом себя клеймить.

Что бы сделал на моем месте ты, такой хитрец?

Ты поступил бы точно так же.

А раз так, мне незачем убиваться из-за произошедшего.

Сама по себе наворачивается слеза и щиплет мне глаз.

Зиплайн продолжает тащить нас вверх и в конце концов вытягивает на крышу.

Крыша бетонная, ее накрывает круглый зеленый купол.

Натали встречает светловолосая женщина.

Они жмут друг другу руку – у людей смешная привычка обмениваться капельками пота (терлись бы прямо подмышками, получался бы гораздо более эффективный обмен феромонами).

У них происходит разговор на человеческом языке.

Как только мы высаживаемся, двое людей снова отправляют кресла вниз, за остальными выжившими на «Последней надежде».

Крысы наверняка уже влезли по якорной цепи на борт. Как бы не оказалось поздно... Было бы жаль, лишившись Пифагора, остаться еще без Романа и Эсмеральды.

Впрочем, что касается Эсмеральды...

Слезы льются, ничего не могу с этим поделать, единственный выход – уйти в угол, свернуться там в клубок и лизать собственные слезы.

Пи... фа... гор...

Только бы никто не увидел меня плачущей, кроме Анжело – ему можно. Никто не должен видеть мою слабость.

Пи... фа... гор...

Собственно, самец – он самец и есть. Не зря у людей говорится: «Одного потеряешь, десяток найдешь».

Никак не остановить потоки влаги из глаз! Я, царица, пророчица, – и реву!!! Что за позорная слабость!

Кажется, у людей есть специальное слово для этого состояния – «скорбь».

Для меня это еще одно абстрактное понятие, но оно доводит до предела мое новое эмоциональное состояние тем, что дает ему краткое обозначение.

И вот, незаметно уединившись, я даю свободный выход своему горю.

Вспоминаются наши с ним моменты. Первый раз, когда я увидела его издали, в соседнем доме; когда он подвел меня к зеркалу и убеждал, что я вижу там другую кошку, его самку; как мы бок о бок бились с крысами; как любили друг друга на маленькой статуе Свободы на парижском Лебяжьем острове; как соединили наши мозги кабелем USB; как залезли в подвесное кресло и как он сознался в своем дурном предчувствии...

Пора встряхнуться.

Я заставляю себя вылезти из угла и изучаю оснащение крыши.

Кроме крана, тянущего зиплайн, я рассматриваю солнечные батареи на опорах, ветряные двигатели, подвесные садики с деревцами и прочей растительностью. Здесь же цистерна с водой и будка с дверцей, за которой, как я понимаю, должна находиться лестница на нижние этажи.

Вот она какая, Америка.

Так наверняка подумал мой человеческий предшественник Христофор Колумб.

Я здесь больше не царица, я просто иностранка.

Вообще-то я иначе представляла себе Америку.

Такая мысль должна была возникнуть и у Христофора Колумба.

Хоть и темно, я различаю на крыше десяток людей, двое из них вращают рукоятку – тянут трос, благодаря которому мы попали сюда.

Озираясь, я вижу не только людей, но и толстого бежевого кота с белой грудью и черными полосками на спине.

Местный житель.

Меня тянет к нему подойти, но кое-что не позволяет.

В углу его рта я вижу белое перышко и капельку крови.

Шампольон!

Я не осмеливаюсь задать вопрос. За меня это делает Анжелю:

– Вы не видели белого попугая какаду?

– Болтливого такого? Видел, – подтверждает толстый кот.

Помнится, я читала в РЭОАЗ про эту кошачью породу: аме-

риканская короткошерстная.

Я корчу гримасу.

– Вы не в курсе, где он?

– А как же, в курсе.

– Где же?

– У меня в животе.

Это сказано без намека на иронию. Я сражена наповал.

После льва Ганнибала, серого кота Вольфганга, сфинкса, женщины Патриции, хряка Бадинтера, бордер-колли Наполеона и моего Пифагора пришла очередь попугая Шампольона, убитого вовсе не нашими врагами, а теми, кого нам приходится считать своими союзниками.

– Вы были с ним лично знакомы? – спрашивает он.

– Мы дружили, – уточняет Анжело.

– Прискорбно. Но это тот случай, когда еда сама ко мне прилетела, и я не стал церемониться. Голуби обычно так далеко не залетают, да и знают, что здесь их подстерегаю я. А этот оказался не в теме. К тому же болтал без умолку, а я ничего не понимал. У него было важное сообщение? Не знаю, что он хотел передать. Я употребил его по назначению.

Я набрасываюсь на короткошерстного американца и ударяю его лапой. Он застигнут врасплох и не собирается обороняться. Я кусаю его за уши и за спину, но этому толстяку хоть бы что. Наконец, он начинает лениво защищаться. Хуже всего то, что от боли и от злости у него отрыжка, и мне кажется, что я улавливаю запах моего съеденного друга какаду.

Нас в конце концов разнимает длинноволосая блондинка. Натали хватает меня за шкурку – позиция, в которой не подерешься. Но бесноваться я еще могу. От бессилия я тяжело вздыхаю.

Как же мне надоело терять с такой скоростью всех, кого я люблю!

Судя по доносящимся издали звукам, Эсмеральду и Романа тоже втянули на крышу.

Я отряхиваюсь, стараясь вернуть себе хотя бы толику достоинства, отворачиваюсь от убийцы Шампольона и иду на встречу вновь прибывшим.

На них нет живого места от укусов.

– Все прошло хорошо? – осведомляюсь я.

– Кресла долго не было, и нам пришлось немного повоевать, – признается Эсмеральда, утирая кровь с морды. – А так порядок. Мы живы.

На Романе тоже не счесть следов от крысиных резцов, одежда изодрана в клочья.

– Я так рада, что наконец оказалась в безопасности, – продолжает желтоглазая черная кошка. – Еще немного, и мы погибли бы.

Она озабоченно озирается.

– А где Пифагор?

Если чего-то не следовало говорить, то, конечно, этого.

Ну и дура же она, эта Эсмеральда!

Вместо того чтобы ответить, я удаляюсь к противополож-

ному краю крыши. Отсюда можно любоваться громадинами Нью-Йорка, озаренными полной луной. Я свешиваюсь вниз, пытаюсь представить, что Пифагор испытывал, когда падал.

Может, прыгнуть вниз и положить всему этому конец?

Я поспешно скидываю голову.

Скорее сменить ход мыслей!

Я устремляю взор вдаль. По одну сторону бескрайний океан, по другую – впечатляющие небоскребы.

По-моему, я терпеть не могу Америку.

10. Что Америка дала Европе, и наоборот

Вот что дала Европе Америка после путешествий Христофора Колумба.

Картофель: его выращивали в Боливии, Перу, Чили, называя *patatas*. С его помощью в Европе было покончено с голодом. Кукуруза: ее початки могут быть не только привычного нам сейчас цвета, но и синего, красного, белого, черного. Это была основная еда американских индейцев, которые мололи из кукурузы муку. Помидоры: в Европе их сочли ядовитыми и отнесли к сфере медицины; в пищу их стали использовать только с 1780 г. Ваниль: это плод тропической орхидеи из Южной Америки, лианы-паразита. Ананас: открыт на Гваделупе. Какао: майя и ацтеки гнали из этих бобов горький напиток со свойствами афродизиака, служивший также для бодрости воинов, а сами они использовались в качестве монет. Арахис: его побеги и семена найдены в доколумбовых захоронениях. Тыква, кабачок и прочие тыквенные растения происходят главным образом из Мексики. Индюшка: названа первоначально «индийской курицей», одомашнена майя в первом тысячелетии до нашей эры. Фасоль: родом из Эквадора, Боливии и Перу. Всевозможные перцы происходят с Кубы и из Мексики. Нужно также упомянуть подсолнечник, папайю, топинамбур, хинное дерево, «ягоды» опунции, аво-

кадо и, конечно, табак.

Но среди даров Америки Европе были и вредные: сифилис – заразная венерическая болезнь, косившая население Европы (сифилисом болели миллионы, многие не выживали). Среди его жертв Моцарт, Бетховен, Мопассан, Бодлер, Рембо, Флобер, Фейдо, Гоген, Тулуз-Лотрек, Шуберт, Паганини, Шуман, Аль Капоне, Ленин, Муссолини, Сталин.

А вот что дала Америке Европа после 1492 года: огнестрельное оружие, лошадь (ставшую верховым животным), единобожие (христианство); а также корь, дифтерию, грипп, тиф, оспу (последняя была особенно смертельной). Считается, что от эпидемий завезенных из Европы заразных болезней вымерли три четверти американских индейцев.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.
Том XIV

11. На небоскребе

Занимается заря, я вижу сквозь стекло солнце, озаряющее громадные здания.

О нет, это не страшный сон. Я в Америке, Пифагор мертв...

Я отряхиваюсь, стараясь прогнать неприятные картины.

Озираясь, я выясняю, что скоротала ночь под боком у своей служанки, а она, в свою очередь, под боком у своего мужчины, Романа. Анжело, мой сынок, прижался к моему животу, будто так и остался сосунком.

Я высвобождаюсь из объятий Натали, потягиваюсь и приступаю к утреннему туалету.

Больше не думать об этом. Жизнь должна вернуться в обычное русло. Нельзя тратить всю энергию на скорбь, надо заняться живыми.

– Эй ты, привет!

Я вопросительно оглядываюсь. Кто посмел так фамильярно меня окликнуть, да еще на «ты»?

Глазам своим не верю: не кто иной, как наглый короткошерстный американец, сожравший незабвенного Шампольона!

Я не снисхожу до ответа. Закидываю левую лапу за голову и продолжаю туалет, демонстрируя ему в этой позе свой анус, что означает отсутствие малейшей симпатии.

– Не злись за вчерашнее. Понимаю, ты была вся на нервах после путешествия по воздуху. Я бы был на твоём месте ещё менее общительным.

Не слопал бы моего друга – удостоился бы совсем другого отношения.

Я покидаю помещение, но он тащится за мной.

– Эсмеральда сказала, что у тебя на меня зуб за то, что я съел попугая.

Вдобавок завел шаши с этой потаскухой.

Я иду к находящейся неподалеку лестнице. Короткошерстный американец никак не отвяжется.

– Чтобы заслужить прощение, хочу преподнести тебе подарок. Ты не дала мне времени это сказать, но если ты так любишь попугая, то так и быть, я припрятал его кусочки...

Сейчас я его убую!

– Готов поделиться ими с тобой. Здесь у нас гостеприимство – это святое.

Ещё одно слово – и ему не жить.

Мне нужна выдержка. Куда это годится: приплыть на новый континент – и начать с убийства одного из его представителей?

– Ты обижена? Чувствую, я тебя обидел. Друзья говорят мне, что я бываю неуклюжим.

Выдержка, только выдержка! И так уже перебор трупов.

– В общем, как я погляжу, тебе не хочется лакомиться мя-

сом попугая. Недаром говорят, что на вкус и цвет товарищей нет. Если интересуешься, где бы попробовать что-нибудь еще, я могу показать место. Всего-то и надо, что подняться на один этаж. Но учти, для нас, как и для людей, остался единственный источник протеинов – крысы. Они их варят, прикинь! И заедают овощами, только овощи – это не мое. Хотя, рассказывают, уже появились кошки-вегетарианцы. Поверить не могу! Ты, часом, не вегетарианка?

Только не убивать!

– Признаться, твой приятель-попугай был вкусный.

Поднявшись на следующий этаж, я попадаю в подобие столовой, где люди – ранние пташки едят зажаренных на шампурах крыс, а кошки, все до одной разжиревшие, уплетают крыс в сыром виде.

Короткошерстный американец приносит свежую крысу и преподносит ее мне как дорогое угощение.

Вздумал подкупить меня своими подарками!

– Не помню, представился ли тебе. Меня зовут Буковски, а тебя?

Буковски? Где-то я уже слышала это имя.

Вспомнила: читала про него в Расширенной Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания. Так звали знаменитого американского поэта-алкоголика.

Я делаю вид, что угощение, свежая крыса, недостаточно сочное, хотя на самом деле запуталась в противоречивых чувствах и безошибочно ощущаю одно – голод, поэтому не

отказываю себе в удовольствии впиться зубами в мохнатое крысиное бедрышко.

Полагаю, вам тоже знакомо это непередаваемое ощущение – первый кусок на голодный желудок, пусть даже ваше блюдо – крыса. Она немного солоноватая, слегка горчит. Кусок проскальзывает в горло. Знаю таких, кто предпочитает начать с круглых крысиных ушек, прежде чем наброситься на жилистые окорочка. У меня другая последовательность: я оставляю на потом нос. Он мягонький, соленький, сочный. Если голод все еще не утолен, я принимаюсь за хвост, поступая примерно так же, как люди, когда едят спагетти.

Начав есть, я ловлю себя на том, что вкус американской крысы сильно отличается от вкуса крысы французской. Он... слаще, что ли. Это оттого, надо думать, что пищевые отходы, отправляемые американцами в мусорные баки, слаще французских. Что сказывается на вкусовых свойствах их грызунов.

Буковски наблюдает за мной.

– Как я погляжу, ты бы не отказалась от добавки. Я искренне опечален тем, что съел твоего друга. Я не знал, что вы друзья. Мог бы отрыгнуть, чтобы он ожил, – так бы и сделал без малейшего колебания, – уверяет меня этот поэт.

Я шумно насыщаюсь, треща крысиными косточками.

– Ты как, при коте или свободна?

Перестать думать о Пифагоре. Долой исступление!

Вижу издали, как Натали и Роман беседуют со встречав-

шей их на крыше блондинкой.

Украдкой подбираюсь к ним и устраиваюсь на коленях у своей служанки, чтобы лучше слышать их разговор.

– ...какая невероятная история! Переплыть Атлантический океан под парусами, да еще с кошками, свиньями и собаками! Поверить не могу! Ужасно сожалею, что не смогла вас предостеречь. Меня зовут Эдит Гольдштейн. Естественно, вы можете оставаться с нами столько, сколько захотите.

– Мы рассказали вам, Эдит, о положении во Франции. А что произошло здесь, у вас?

– Примерно то же самое, что и у вас. Социальный кризис в Европе перекинулся в Соединенные Штаты. Только здесь вспыхнула не гражданская война между светскими и верующими или между бедными и богатыми, а серия параллельных конфликтов различных этнических общин, образующих нашу мозаичную нацию. Племенная война, вот как это называлось! Люди объединились по фактору происхождения (черные, китайцы, латиносы, ирландцы, итальянцы, немцы, индейцы, японцы, корейцы), религии (протестанты, католики, иудеи, мусульмане, индуисты, рационалисты), культурных предпочтений (республиканцы, демократы, коммунисты, анархисты, хиппи, панки, рокеры, готы, техно). Племенная война стала периодом всеобщего хаоса на всей территории страны. Как и у вас в Европе, постепенно прекратили нормально функционировать, а потом и вовсе исчезли все до одной системы управления. В больших городах росли го-

ры мусора. Крысы вылезли из своих подземных нор, из тоннелей метро и из канализации, чтобы рыться в кучах отходов. В войне черных, серых и бурых крыс верх одержали бурые. Они – переносчики заболеваний, в том числе поразившей Европу мутировавшей чумы, поэтому начались болезни и гибель людей. Как и у вас, ученые были лишены возможности спокойно работать, поэтому не смогли создать эффективную вакцину. Постепенно чума резко проредила людскую популяцию Америки. Тем не менее небольшой коллектив ученых Нью-Йоркского университета, в который входила и я, занялся поиском – только не противочумной вакцины, а крысиного яда.

– Начали, – продолжает Эдит Гольдштейн, – с совершенствования химических ратицидов на основе мышьяка, цианистого калия, фенола, фосгена. Потом испытывали сложно-составные биологические яды: кураре, токсин ботулизма, рицин, мускарин. Все без толку. Тогда попытались создать ратицид нового поколения, который мог бы обходить крысиные карантинные протоколы. Вдохновения нам придавали смертельные яды, применявшиеся русскими секретными службами для устранения перебежчиков. В этих ядах использовались радиоактивные вещества с атомных электростанций. Чтобы раздобыть эти вещества, надо было попасть на эти станции, но в конце концов мы ими обзавелись и сделали свои радиоактивные яды. Дело как будто сдвинулось с места, но крысы и к этой отраве адаптировались.

– Жалко, – вздыхает Роман Уэллс.

– Тем не менее я, будучи биологом и генетиком, предложила еще более авангардный путь: технологию CRISPR.

– Что-то вроде расчленения и переписывания ДНК? Похоже на редактирование текста? – воодушевляется Роман.

– Да, это моя специализация. Мой проект был запущен. Я назвала его «Прометей» – помните древнегреческую легенду о Прометее?

– Титан, приговоренный к вечной муке: орел бесконечно клюет его печень, печень вырастает снова и снова, и пытке нет конца, – качает головой француз.

– Мы хотели, чтобы разрушение крысиной печени, одного из самых уязвимых органов, обгоняло ее способность к регенерации. Я «переписала» ДНК подопытной свинки и вывела мутацию, при которой клетки печени не восстанавливаются. Потом я извлекла мутировавшую ДНК и прикрепила ее к простому вирусу гриппа. Мы заразили этим гриппом нескольких крыс и выпустили их. Они чихают и распространяют вирус, что приводит к мутации ДНК у новых зараженных.

– Вы изобрели эпидемию гриппа, чтобы уничтожить печень крыс, я правильно поняла? – резюмирует Натали.

– Крысы погибали, не определяя убивающее их вещество, потому что это их собственная ДНК.

– И как, получилось?

– Крысиная практика карантина заболевших уже не дава-

ла результата. Выжившим пришлось покинуть Манхэттен.

– Именно тогда университет Нью-Йорка, поддерживавший связь с французским университетом Орсе, сообщил, что нашел эффективное решение, – припоминает Роман.

– Да, – подтверждает Эдит, – но компьютерный вирус «БОГ СИЛЬНЕЕ НАУКИ», запущенный религиозными фанатиками, поразил Интернет и нарушил связь между Штатами и Францией. Мы не смогли разъяснить наш протокол по изготовлению универсального ратицида...

– Теперь понятно, почему мы поверили в ваш успех... – вздыхает Натали.

– Прошло еще несколько недель, и Манхэттен захлестнула новая волна крыс, обладающих иммунитетом к Прометею.

– Крысы нашли лазейку?

– Да, вследствие чего Нью-Йорком завладели еще более решительные грызуны. Мы попрятались по небоскрегам и запечатали все входы на первых этажах. Так создалось человеческое сообщество, живущее только на высоте и не имеющее никакого контакта с поверхностью.

Кот Буковски поворачивается и тихонько спрашивает:

– Мы можем поговорить?

– Ты же видишь, я занята.

У него опадают уши – признак разочарования; я рычу на него, показывая зубы, и он покидает мое зрительное и звуковое пространство.

Я внимательно слушаю разговор Эдит и Натали.

– Мы изобрели подвесной мир. Протянули по воздуху трассы, связывающие живущих в разных башнях. С их помощью люди передвигаются между зданиями в креслах на роликах. Тут главное – не свалиться вниз: попавший к крысам долго не живет.

Вот такая судьба постигла, должно быть, беднягу Пифагора...

– Кроме воздушных трасс мы ввели в действие систему дронов. Это автономные агрегаты с солнечными батареями. Днем, особенно в ясную погоду, происходит их автоматическая подзарядка. Ночью такой дрон может проработать один час.

– Дроны? Дорогое удовольствие для мира, не имеющего возможности спускаться на поверхность.

– К счастью, еще до того как все заполонили крысы, мы забрали из комплекса централизованного распределения посылок сотни дронов. Они радиоуправляемые, грузоподъемность каждого три килограмма.

– С их помощью вы снабдили нас тросами своих зиплайнов...

– Это наш предпочтительный способ транспортировки мелких предметов, а также безопасной работы на расстоянии. Кроме того, в Эмпайр-стейт-билдинг нашлись дроны, которые раньше применялись для ведения телерепортажей. Они оборудованы видеокамерами. С их помощью мы наблюдаем за действиями крыс. Среди них выделены те, которых

мы назвали «баронами». Это главари стай. Они крупнее, толще, сильнее прочих. Остальные самцы боятся главарей и выполняют их приказания.

– Бароны? Прямо как в средневековом обществе! – восклицает Натали.

– Однажды наши видеооператоры засекли скопление, состоявшее из одних баронов. В центре находилась толстенная крыса, вдвое превосходившая остальных размерами. Удалось ее заснять.

Эдит показывает на своем мобильном телефоне видео. Я тоже смотрю на маленький экран с плеча своей служанки.

Сначала мы разглядываем все бурое скопище, потом, крупным планом, жирного главара.

– Знакомьтесь: царь манхэттенских крыс. Как видите, остальные бароны, судя по позам, находятся у него в безусловном подчинении. Мы назвали его Аль Капоне, в честь короля нью-йоркских гангстеров 1930-х годов.

– Маленький конкретный вопрос: в какой башне мы находимся и на каком этаже? – интересуется Роман.

Эдит встает и предлагает подняться на верхний этаж здания. Я следую за людьми.

Вышедших на верхнюю площадку отделяет от бездны невысокая стена. Я устраиваюсь на ней и превращаюсь в слух.

– Мы на Уэст-стрит, в финансовом комплексе. В нем четыре корпуса. У здания напротив, под номером 1, узнава-

емая квадратная крыша. Его высота – 176 метров. В нем располагался, среди прочих, банк «Леман Бразерс», потом он обанкротился. Наша башня носит номер 2, она называется Файнэншл Тауэр. В ней 44 этажа, 197 метров. Здесь были офисы «Коммерцбанка» и японского концерна «Номура». В корпусе номер 3, высотой 225 метров, с характерной пирамидальной крышей, работала компания «Американ Экспресс». Наконец, в 152-метровом четвертом корпусе, с крышей из нескольких квадратных ярусов, помещался банк «Мерил Линч». Перед вами бывшее финансовое сердце Нью-Йорка.

Вот это да! Если я не ослышалась, мы находимся на высоте 197 метров!

Я разглядываю окрестности. Наше здание соединено с другими башнями тросами. Чем выше поднимается солнце, тем больше людей перемещаются по ним в разные стороны.

Когда отправная точка выше точки прибытия, они просто скользят вниз. Когда наоборот, их тянут лебедки, вроде тех, что затащили сюда нас.

Свесив со своей стенки голову, я не вижу мостовой – только кишаших крыс.

Гуляющий на высоте ветер ерошит мне шерсть.

Раскинувшийся передо мной американский мегаполис поражает серым лесом прямоугольных деревьев-небоскребов. Какой холодный, темный, геометрический город!

Как можно выжить при такой оторванности от приро-

ды?

Без сомнения, ни одна кошка, даже самая ловкая, не смогла бы выпрыгнуть здесь из окна и приземлиться невредимой на все четыре лапы.

И как, скажите на милость, жить, если не касаешься земли?

Эдит продолжает объяснять:

– Есть еще коллектив ученых, работающий над созданием компьютерного антивируса, который восстановил бы связь между уцелевшими людскими сообществами. Мы хотим любой ценой избавиться от крыс и снова связать воедино весь мир. Это вопрос времени и мотивации.

– Сколько на Манхэттене людей? – спрашивает Натали.

– До краха на этом острове жило два миллиона человек. Согласно нашей последней переписи, сейчас осталось всего сорок тысяч.

– Сколько зданий они занимают?

– В Нью-Йорке немногим более двухсот строений высотой сто пятьдесят и более метров. Из тех, что пониже, все сбежали из опасения, что крысы вскарабкаются туда по фасадам.

– Получается в среднем двести жителей на одну башню?

– Средняя цифра обманчива. Здесь у нас триста человек, но есть и, наоборот, менее населенные башни. Зато в самую высокую, Всемирный торговый центр, набилось аж десять тысяч.

– Кошек-то сколько? – не выдерживаю я.

Натали переводит мой вопрос.

– На сегодня у нас восемь тысяч кошек и пять тысяч собак. Только здесь восемьсот мурок.

Мне ни за что не запомнить все эти цифры. Восемь тысяч кошек – эта цифра врезается в мозг. И вот о чем я думаю: во Франции я жила в горизонтальном мире, а здешний мир вертикальный. В случае падения нет никакой надежды приземлиться на лапы, следовательно, будешь сразу растерзана острыми, как бритвы, крысиными резцами.

– Все мы питаемся крысами, но есть еще грибы, мы выращиваем их на нижних этажах, и кое-какие овощи, и фрукты с крыш – правда, они созревают медленнее грибов. Энергию мы получаем от солнечных батарей и от ветряных двигателей; потребность в воде удовлетворяют накопители дождевой влаги.

– Вы не боитесь, что крысы и сюда доберутся? – осведомляется Натали.

– Они не могут лазить по стеклянным фасадам – не за что цепляться когтями. Мы забетонировали все трубопроводы, служившие для кондиционирования воздуха, вентиляции, подачи воды, канализации, сбора и удаления мусора. Теперь все это происходит наверху.

– А когда мусора набирается слишком много? – спрашивает Роман.

– На этот случай действует система саморегулирования: экскременты, органические отходы, сточные воды идут на

компост для нашего растениеводства.

Передо мной простирается мир небоскребов, зиплайнов и дронов. Этот мир устроен, конечно, так, чтобы исключить крыс, но мне в нем очень неуютно, потому что прыгание с крыши на крышу в нем тоже исключено.

Экстренное бегство отсюда тоже под вопросом.

Я спускаюсь вместе с остальными на следующий этаж, в предоставленное нам помещение. Подойдя к двери, я слышу нечто неожиданное: Натали и Роман беседуют на повышенных тонах. Я подкрадываюсь ближе. Благодаря включенному наушнику с микрофоном, находящемуся рядом с Натали, я получаю перевод.

– Думаешь, я не видела, как ты смотрел на эту Эдит?

– Брось, Натали, мы только что здесь оказались!

– Мы с тобой уже больше месяца находимся нос к носу, я понимаю, тебе хочется разнообразия, но это не значит, что надо пожирать ее глазами!

Моя служанка гневается.

– Это сцена ревности? Ты считаешь, сейчас подходящий момент? – удивляется мужчина.

– Я считаю вот что: наша пара приказала долго жить, так что иди спи со своей Эдит, а я начну устраивать собственную жизнь. Убирайся!

Он выходит.

Я скребусь в дверь, пока моя служанка не соглашается меня впустить.

Она вся в слезах. Это не мешает ей взять меня на руки.

– Все мужчины обманщики! Я люблю только тебя, Бастет.

Трогательное заявление! Не могу избавиться от впечатления, что без меня ее жизнь лишена всякого смысла. Я спрыгиваю на пол и приношу ей наушник, чтобы она поняла то, что я намерена ей сказать.

– Ты ревнуешь, Натали?

– Он так паялился на эту американку! Она, видите ли, биолог! Знаю, он млеет перед женщинами-биологами. Кто я перед ней? Подумаешь, архитектор!

– Чем он, собственно, перед тобой провинился?

– Ничем. Хотя нет: его взгляд был очень выразительным, он означал, что он ее хочет. Мы, женщины, сразу такое считываем.

– То есть он ничего не сделал.

– Тебе не понять...

Сейчас она скажет, что я всего лишь кошка.

– Ты всего лишь кошка. У вас любовные отношения устроены по-другому. Скажем так: они проще и прямолинейнее.

Она думает, что я не вкладываю в свои отношения чувства.

– Тебе неизвестны человеческие чувства, Бастет.

Я слизываю ее слезы.

Выходит, она думает, что я пророчица, но при этом бессердечная.

Я решаю ее не обижать.

– Насколько я знаю, – начинаю я, – у Романа еще не было половой связи с Эдит. Не считаете ли вы, что надо дождаться, пока он соблазнит эту американку, и только потом осыпать его упреками?

– Соблазнит, без сомнения, соблазнит!

Я набираю в легкие побольше воздуха.

Как ее вразумить?

– То есть ваш выбор – наорать и уйти от него «авансом»?

– Это продиктовано моей гордостью.

– А если между ними ничего не произойдет?

– Обязательно произойдет! Эдит красивее, моложе, вся такая американская, ученая, вообще она... новее. Я видела, как он на нее смотрел. Это неизбежно.

– А если она не захочет?

– Захочет, никуда не денется, я поняла это по ее взгляду.

В этот момент мне становится понятна проблема людей: воображение чаще приносит им горе, чем радость.

Они придумали Бога и стали убивать тех, кто в Него не верит.

Воображают, что любимые им изменяют, и уходят от них.

Глядя на служанку, я не могу избавиться от удивления, как вид, не способный создавать гармоничные пары, сумел продержаться до наших дней.

Надо же, и это та, кто меня преобразил, сделал такой,

какая я есть. Она похожа на девочку, которая боится, что у нее украдут игрушки.

– Послушайте, Натали, я уверена, что ваша пара не такая хрупкая, как вам кажется. К тому же у нас есть куда более важные проблемы. У нас на глазах вся ваша цивилизация рассыпается в прах, и наша обязанность – организовать сопротивление крысам-захватчикам. Стоящие перед нами проблемы выживания несопоставимо важнее душевных сантиментов, вам не кажется?

– Раньше я уже переживала то же самое с другим мужчиной. Поэтому ситуация хорошо мне знакома. Между прочим, он был похож на Романа. Мы жили вместе полгода, а потом он встретил блондинку такого же пошиба и ушел от меня к ней.

И опять моя служанка всхлипывает.

Она меня не слушает. Натали только и делает, что убеждает себя в том, во что и так верит. Что ж, я хотела как лучше.

– Уйди, оставь меня.

Она хватает меня за шкурку и выносит за дверь. После этого Натали запирает замок на два оборота, как будто иначе я повернула бы дверную ручку и вернулась.

Моя служанка несколько меня разочаровывает, но больше всего я удручена тем, что не нашла слов для ее вразумления и ободрения.

Ничего не поделаешь, я не семейный психолог!

Я возвращаюсь на вершину Файнэншл Тауэр и продолжаю разглядывать Нью-Йорк.

Ко мне присоединяются Анжело и Эсмеральда, их тоже завораживает этот город, такой не похожий на Париж.

Натянутые между домами тросы образуют огромную паутину. Люди, скользящие по ней в креслах вверх-вниз, приветствуют друг друга издали.

Улицы внизу усеяны ржавеющими автомобилями и человеческими скелетами, с которых обгрызли почти все мясо.

Вот я и узнала, какая она, Америка...

В тот момент, когда я устремляю взгляд на северо-восток, на небоскреб, который Эдит назвала Эмпайр-стейт-билдинг, башня как будто начинает подрагивать.

Я убеждаю себя, что это оптическая иллюзия, вызванная усталостью и эмоциями последних дней, но небоскреб все заметнее вибрирует, потом начинает медленно крениться и, наконец, обрушивается с оглушительным шумом, сотрясая все вокруг. На месте башни взмывает к небу огромный столб бежевой пыли.

12. История Нью-Йорка

В 1523 г. флорентийскому мореплавателю Джованни да Верраццано удается уговорить французского короля Франциска I профинансировать морской поход для поиска водного прохода через Америку в Тихий океан. Выйдя из Дьеппа на каравелле «Дофин», он поплыл на север вдоль североамериканского берега и 17 апреля 1524 г. бросил якорь в бухте, названной гораздо позже Нью-Йоркской.

Достигнув первым из европейцев этого места, Верраццано назвал его французским именем «Новый Ангулем» в честь заказчика плавания Франциска I, графа Ангулемского. Однако после возвращения во Францию он не сумел снарядить новую экспедицию. Туда вернулся только в 1609 г. англичанин Генри Гудзон, пересекший океан на средства нидерландской Ост-Индской компании. Он обследовал устье реки, получившей впоследствии его имя, и наплел голландцам такого, что им захотелось там обосноваться. В 1614 г. Адриен Блок основал на месте будущего Нью-Йорка колонию и нарек ее Новым Амстердамом. На главном острове он встретил жившее там индейское племя манахата («Манхэттен» значит на их языке «островок»).

Голландская колонизация началась в 1623 г., с прибытием тридцати протестантских семей. Официально город Новый Амстердам возник в 1626 г., когда Петер Минейт купил

участок земли для него за 60 флоринов, аналог нынешних 25 евро. Минёйт надумал пригласить для развития нового поселения вождей племен делавер и саскеханнок. С 1640 до 1660 г. число жителей поселения выросло с 400 до 5000 человек.

В 1664 г. между Англией и Нидерландами вспыхнул конфликт за главенство на торговых путях. Английские фрегаты подошли к Новому Амстердаму, сдавшемуся без боя. Чтобы польстить королю Англии Карлу II, город переименовали в честь его брата, герцога Йоркского. Так родился Нью-Йорк.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.
Том XIV

13. Все выше

В воздухе пахнет строительной пылью.

Люди вокруг меня, а также Анжело и Эсмеральда сбегают и смотрят туда, где только что стоял небоскреб.

Чувствую, все сильно взволнованы.

К нам присоединяется еще несколько кошек, среди них Буковски.

Мне не хочется тратить время на болтовню с этим животным, к которому я испытываю острую антипатию, поэтому я подхожу к своей служанке, направившей на место катастрофы бинокль.

– Ну что происходит? – обращаюсь я к ней.

Мне никто не отвечает, но не беда: я слышу и понимаю их разговоры, даже находясь далеко от них, благодаря микрофону в гарнитуре Натали.

– ЭМПАЙР-СТЕЙТ-БИЛДИНГ! – бормочет какой-то старичок. Судя по его виду, он не верит собственным глазам.

– ОНИ ОБРУШИЛИ ЭМПАЙР-СТЕЙТ-БИЛДИНГ! – твердит Эдит Гольдштейн, шокированная открывшейся картиной.

– «Они»? – спрашиваю я. – Кто такие «они»? Крысы? Не понимаю, как крысы смогли уронить такой огромный дом.

Но меня никто не слушает. Постепенно пыль рассеивается и оседает, и дроны, подлетающие к месту, где недавно сто-

ял небоскреб, в деталях демонстрируют нам на цифровых экранах всю эту картину. Мы видим неподвижные тела – вероятно, это жившие в башне люди. Они валяются в безжизненных позах среди бетонных блоков. На развалинах кишат крысы.

Наконец, Натали опускает бинокль и шепчет:

– Они подгрызли фундамент Эмпайр-стейт-билдинг, вот небоскреб и рухнул...

– Кинг Конгу не удалось его разрушить, но крысы оказались удачливее, – подхватывает Роман. – Бояться надо не громадных чудовищ, а мелких тварей...

– Я изучала это здание, когда училась в архитектурном институте, – говорит Натали. – Эмпайр-стейт-билдинг возвели в 1930 году. Его фундамент сложен из известковых блоков, стены из кирпича и цемента – были... Это легко крошащиеся материалы, поэтому они не устояли перед крысиными резцами. Но не беспокойтесь, башня, в которой находимся мы, построена в 1987 году из бетона. Она несравненно более прочная.

– Их резцы не становятся от этого менее опасными, – предупреждаю я.

Сгрудившиеся на верхнем этаже люди смотрят на экранах своих портативных компьютеров видео с дронов, показывающие под разными углами размах катастрофы. Я прошу у Натали бинокль и вижу людей на крышах трех других башен Финансового центра, с таким же ужасом вглядывающихся в

тучу пыли на месте Эмпайр-стейт-билдинг.

Снова раздается оглушительный грохот, падает еще один небоскреб, стоявший в отдалении, севернее, – тоже, по всей вероятности, из числа старых.

Я направляю бинокль вниз. Крысы текут по улицам, как коричневая кровь. Я прослеживаю направление этого потока и вижу, что местом сбора служит подножие башни номер один в нашем комплексе. Но и это не все: они собираются под башнями номер три и четыре и даже под нашей!

Этого не может быть! По словам Натали, Эмпайр-стейт-билдинг обрушился потому, что был очень старый, фундамент его был из известняка, стены из кирпича и цемента, здесь же главный материал – бетон...

Дроны слетаются снимать крыс, подгрызающих нашу башню.

На экранах видно, как тысячи тварей вонзают в стены свои резцы и проделывают в них дыры.

Их зубы прочнее нашего фундамента. Когда они действуют сообща, их производительность так взлетает, что перед ними ничто не устоит. Они как волны, подмывающие утес. Своим беспрерывно возобновляющимся натиском они рано или поздно одержат победу и над нами.

Я подпрыгиваю от неожиданности.

На крыше воеет сирена, ее источники – четыре больших железных конуса. Это динамики. Люди беспорядочно толпятся, животных, еще не понявших, что происходит, тоже

охватывает паника.

– НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ! – кричит в мегафон Эдит.

Всеобщую панику невозможно описать. Люди заражают своей тревогой кошек и собак.

Остальные жители нашей башни присоединяются к нам на верхней террасе. Все толпятся на ее восточной стороне. Отсюда наша крыша соединена тросом с другим зданием, гораздо выше нашего.

События разворачиваются все стремительнее. К роликовым блокам подвешивают люльки. Люди постарались собрать в спешке то, что им дороже всего, и туго набить рюкзаки.

Анжело смотрит на меня и мяукает:

– Мама, я не хочу убежать! Я хочу драться, уверен, крыс можно одолеть, поубивали же мы всех тех, кто лез к нам на парусник!

Угораздило меня произвести на свет такого глупца! Уже не припомню, кто был его папашей: дело было вечером, ко мне тогда пожаловали сразу несколько котов, проживавших на крышах Монмартра.

Тем не менее я не забываю о своих педагогических обязанностях.

– Гм... Храбрость – это похвально, Анжело, но в бой можно вступать только тогда, когда его можно выиграть.

Хоть эвакуация и срочная, мы ждем и ждем... Мы как

прибывшие последними считаемся, конечно, чужаками, поэтому нас оттесняют в хвост очереди.

Терпеть не могу ждать! Сидя на плече служанки, я спрашиваю:

– Куда теперь?

– В единственное место, где мы будем в безопасности: во Всемирный торговый центр.

– Это самый высокий небоскреб?

– Да, 541 метр, 104 этажа. Еще он самый новый, построен после нападения террористов 11 сентября 2001 года, при его возведении применены гораздо более передовые технологии, – объясняет мне служанка.

– Вы хотите сказать, что эта башня устоит перед крысиными резцами?

– Без всякого сомнения.

– Даже если крыс будет видимо-невидимо?

– На мой взгляд, это единственная башня, которая сможет устоять.

– Прошу вас, служанка, объясните, я не понимаю! У меня нет времени заглянуть в Энциклопедию, но я хочу знать, почему вы так уверены в прочности этой башни?

– Каждая башня построена из самых прочных материалов своей эпохи. Раньше это были каменные блоки, потом пришло время кирпича и цемента, сейчас главенствует бетон. Но и он бывает разным. У обыкновенного, самого старого, прочность от шестнадцати до сорока мегапаскалей. Ме-

гапаскаль – единица измерения давления. Дальше идет ВНР, высококачественный бетон: от пятидесяти до восьмидесяти мегапаскалей. Ну и ВТНР, сверхвысококачественный бетон: у него от восьмидесяти до ста мегапаскалей.

– Та, на которой мы находимся, построена из ВТНР?

– Совершенно верно, – отвечает Натали, удивляясь, что простая кошка, как я, проявляет интерес к ее излюбленному предмету, да еще в такой непростой момент. – Но все дело в том, что крысы не испугались взяться и за нашу башню. Значит, они и ее в конце концов обрушат.

– Там, куда мы отправляемся, бетон какой-то другой?

– Да, Всемирный торговый центр построен из ВУНР, ультравысококачественного бетона. Он лучше всех остальных, его прочность – до двухсот пятидесяти мегапаскалей. Из такого бетона строят, например, атомные электростанции.

Это должно меня успокоить?

Я не свожу взгляд с экрана, показывающего нижние этажи нашего здания. Картину все больше завлакивает пылью, что говорит, без сомнения, о том, что крысы вгрызаются в наш фундамент все неистовее.

Я готова философски ждать нашей очереди подниматься вверх на зиплайне. И вот она приходит. Натали берет на руки меня и Анжело. Эсмеральда по своему обыкновению поедет с Романом.

Мы прижимаемся друг к другу. Распорядитель подает сигнал. Наше кресло дрожит. Поехали!

Мы взлетаем даже выше, чем я думала, под нами темнеют пустые дома.

Натали указывает на парк с двумя квадратными ямами.

– Там стояли две башни Всемирного торгового центра, те, что рухнули.

– От нападения крыс?

– Нет, религиозных фанатиков.

Я не осмеливаюсь спрашивать дальше, потому что вижу, что это вызвало бы у нее неприятные воспоминания.

Приближаются скошенные углы башни Всемирного торгового центра. Странно, что новому небоскребу дали практически имя старого.

От высоты у меня начинается головокружение. Боюсь, несчастье с Пифагором повлияло на мое восприятие пространства и высоты. Я уже не так хорошо, как раньше, переношу пустоту подо мной.

Стеклянные стены – как зеркала, отражающие облака. У меня ощущение, что в мире больше не осталось твердых ориентиров.

Я медленно лечу.

К счастью, мы достигаем, наконец, вершины этого монументального сооружения.

На последнем этаже торчит мачта – радио- или телевизионная антенна. Вижу людей, тянущих нас наверх при помощи крана с рукояткой; раньше этот агрегат служил для мойки окон.

Нам показывают жестом, чтобы поскорее слезали: люльку надо отправлять за следующими пассажирами.

На крыше уже не протолкнуться от людей, кошек и собак. Нас отправляют на лестницы, чтобы не мешали новым прибывающим.

Мы спускаемся и попадаем в панорамный зал – наверное, раньше здесь был ресторан.

Здесь тоже царит неразбериха. Все собравшиеся здесь люди и кошки нервничают, многие не скрывают ужаса. Все боятся. Воздух пропитан острым запахом пота. Слышен тревожный ропот. Обстановочка как перед концом света!

Падение Эмпайр-стейт-билдинг всех испугало. Почти одновременное нападение крыс на все населенные людьми башни Манхэттена привело к всеобщей панике.

Люди громко разговаривают, кошки пронзительно мяукают. Даже собаки погавкивают.

Я тороплюсь выбраться из этой живой каши, мешающей думать.

В моменты хаоса я убеждаюсь, что спасение мира доверено мне одной. Мне, моей смекалке, моему умению устанавливать связь между явлениями.

Наконец к нам присоединяются Роман и Эсмеральда. Мы держимся вместе.

Люди показывают нам, где разместиться. Некоторые уже выходят из этого просторного зала и спускаются по лестницам на другие этажи, где, наверное, посвободнее.

Мало-помалу толпа редет. Судя по долетающим до меня обрывкам разговоров, вновь прибывшим предлагается присоединиться к своим общинам; здесь на каждом этаже устроилось отдельное племя.

Мы тоже спускаемся.

– Не надо было вообще покидать Францию, – говорит Эсмеральда. Вот ведь манера у кошки – говорить бессмысленные вещи, да еще в самые неподходящие моменты!

Теория Эдит об общинах подтверждается. На девяносто шестом этаже собираются жители китайского квартала; ниже – жители южноамериканских, еврейских, итальянских кварталов, студенты из Гринвич-Виллидж, панки, евангелисты, белые супрематисты, черные, банды «латинос» и так далее.

Мы замечаем, что этажи украшены по-разному. То же самое относится к одежде их жителей.

Получается, что мозаика общин, составляющих американское общество, и их параллельных культур сохраняется даже в этот критический момент, даже в этой башне, ставшей уменьшенной моделью их мира. Мне кажется, что на каждом этаже в ходу свой язык.

– У французов есть свой этаж? – спрашивает Натали у одного из местных.

– Разумеется, шестьдесят девятый.

Мы спускаемся туда.

Жители этажа воссоздали атмосферу Монмартра начала двадцатого века. Все выглядит так, словно каждое племя же-

дает соответствовать карикатурному представлению о нем, сложившемуся у американцев.

Здесь есть и сине-бело-красное знамя, и фотографии Эйфелевой башни, Триумфальной арки, базилики Сакре-Кёр, собора Парижской Богоматери, репродукция Джоконды из Лувра, фотографии генерала де Голля, Брижит Бардо, танцовщиц «Мулен Руж», портрет Жюль Верна.

Так или иначе, здешние французы не возражают против этого упрощенного представления об их стране, более того, получают от него удовольствие. Ностальгия заставляет некоторых на шестьдесят девятом этаже носить береты, заостренные усики и даже брюки на подтяжках.

Не иначе Крах вызвал у них желание вернуться к корням и выставить напоказ свою оригинальность.

За большим столом под скатертью в красных квадратах едят хот-доги. Все бы ничего, если бы вместо традиционной розовой сосиски в булке не лежала печеная бурая крыса.

Здесь пекут хлеб!

Я с наслаждением вдыхаю аромат былых времен, когда человеческая цивилизация еще практиковала это баловство для обоняния.

– Не знаю, как вы, а я проголодалась! – сообщает прагматичная Эсмеральда.

Натали и Роман идут за сэндвичами с печеными крысами и садятся за стол.

Нам, кошкам, как и следовало догадаться, предлагают

крыс в сыром виде.

Хорошо хотя бы, что этому источнику протешнов не предвидится конца.

Я все же прошу у Натали немного хлеба. Чувствую, как эта волшебная пища опускается по пищеводу и падает в желудок.

Мой сын Анжело удивлен тем, что его мать ест хлеб. Он тоже пробует кусочек, но тут же выплевывает.

Кошка, употребляющая в пищу хлеб, – это ненормально. Нам положено быть плотоядными.

Я озираюсь. Раньше на шестьдесят девятом этаже располагалась, похоже, редакция какого-то журнала, устроенная по принципу офиса открытого типа. Теперь бывшие письменные столы либо стали обеденными, либо превращены в разделенные перегородками кровати.

Эдит, наша провожатая, договаривается с ответственными по этажу, чтобы нам выделили три такие «кроватьи». Теперь мы можем устраиваться.

На экране сменяются кадры внутренних новостей башни. Видно, как крысы копошатся вокруг ее основания, но им не по зубам стекло, ультрапрочный бетон и сталь. Одни разбредаются после безрезультатных попыток атаки, на смену им приходят другие, но их попытки тоже не увенчиваются успехом.

– В этот раз у них ничего не выйдет! – радуется Натали, не спускающая глаз с экрана.

Лично я приступаю к занятию, расслабляющему меня лучше всех прочих: вылизываю себя. Закидываю заднюю лапу за ухо и берусь за дело.

Не думать о Пифагоре, не думать о Шампольоне, не думать обо всех моих спутниках, погибших на «Последней надежде». Не думать о крысах.

Я ревностно тружусь своим шершавым языком, удаляя из шерсти колтуны.

В первый раз за несколько дней у меня появилось ощущение безопасности.

Моя мать говорила: «Несчастью рано или поздно надоедает наваливаться на одних и тех же».

Я смотрю на сына.

Бедный Анжело, ты родился не в лучшем из миров. Все, что я смогла тебе предложить, – это выживание в предложенных обстоятельствах настоящего. Будущее тонет во мраке.

Здесь я уже никакая не царица. Никакая не пророчица. Я всего лишь кошка-чужестранка, которую кое-как терпят местные уроженцы.

Кошка, которая испытывает страх и которой недостает воображения, чтобы представить, как все это может исправиться.

Печальная реальность в том, что мы подверглись вторжению стремительно размножающегося вида, который уже в силу своей численности эволюционирует так быстро, что

способен отражать любые вызовы.

Я принимаю позу для сиесты, чтобы никто меня не беспокоил, и подключаюсь при помощи своего Третьего Глаза к Энциклопедии, висящей у меня на шее, – посмотреть, бывали ли раньше похожие ситуации, хорошо закончившиеся для нас, кошек.

14. История кота Оскара

В мае 1941 г. немецкий линкор «Бисмарк» по прозвищу «нацистский людоед», регулярно ускользавший от британского ВМФ, был наконец потоплен. Из экипажа в 2200 человек выжили только 114, а также черный кот с белым горлом. Его подобрала команда английского эсминца Cossack, назвавшего его Оскаром. Спустя месяц эсминец атаковала немецкая подлодка. Взрыв разворотил всю носовую часть и убил 159 человек.

Оскар снова оказался одним из немногих спасшихся и был взят на борт английского авианосца Ark Royal. Оскар приносил неудачу: через несколько недель авианосец отправил на дно немецкая торпеда. Кота подобрали: он стоял на плившей по волнам доске. Как ни изголодались выжившие члены команды авианосца, съесть его они не посмели. Новым приютом для неубиваемого кота стал английский эсминец Lightning.

Об Оскаре прознало командование Адмиралтейства. Чтобы не рисковать гибелью очередного своего корабля, оно решило передать его сначала в канцелярию губернатора Гибралтара, а потом в Дом моряка в североирландском Белфасте, где он благополучно скончался спустя четырнадцать лет. Оскара обессмертила картина художницы Джорджины Шоу Бейкер: на ней изображен черно-белый кот, плывущий по

морю на доске. Картина экспонируется в лондонском Музее морской пехоты.

Энциклопедия абсолютного и относительного знания.
Том XIV

15. Многословие

Кукарекает петух. Я открываю глаза. На самом деле это не петух, а подражающий петушинуму крику сигнал. Я вспоминаю, где нахожусь, и понимаю, что уснула за штудированием Энциклопедии.

Сиеста по причине нервного истощения.

День еще не кончился.

Натали грызет ногти. Ко мне прижимается Анжело. На другой кровати лежат Роман и Эсмеральда. Я вспоминаю, что попала в самый высокий небоскреб Манхэттена, это Америка, я так далеко от Парижа, так далеко от моего домика на Монмартре. Так далеко от покоя. В окружении крыс.

Кукарекающий сигнал продолжает звучать, всех вокруг тревожа.

Очередная катастрофа?

Я влезая на плечо к Натали, та общается с другими людьми. Я узнаю от нее, что руководство срочно собирается на сто четвертом этаже для обзора положения.

– Можно мне с вами?

Бывший панорамный ресторан переоборудован. В глубине зала теперь воздвигнут помост, на нем пюпитр, позади пюпитра экран. Перед пюпитром сотня кресел. За огромными окнами захватывающая панорама всего Нью-Йорка.

Люди занимают кресла. Те, кому не хватает кресел, оста-

ются стоять.

Эдит Гольдштейн видит нас издали и подходит.

– Это сто представителей общин, – объясняет она, не дожидаясь вопроса.

– Вроде пау-вау индейских племен? – спрашивает Роман Уэллс.

– Нет, скорее это аналог Генассамблеи ООН, только это не Объединенные Нации, а объединенные племена. Каждое направляет своего представителя, чтобы он высказывал общее мнение. Важные решения принимаются большинством голосов.

Я разглядываю собравшихся. Узнаю по характерным одежаниям китайца, квакера, панка, гота, латиноамериканца, даже индейца в племенном наряде.

Зрителей тоже немало – до тысячи.

– Почему никак не начнут? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Ждут госпожу президента, – отвечает Роман.

– Есть и такая?

– Насколько я понял, ее избрали все общины, что дает ей право принимать все основные решения по повседневным проблемам.

– Она обладает исполнительной властью?

– Да, она совмещает функции председателя ассамблеи и главы правительства.

Минут через десять из двери за помостом выходит пожилая женщина в светло-голубом платье и черных туфлях.

Седые волосы с розовым отливом сбрызнуты лаком, отчего прическа смахивает на каску. Она опирается на палочку, похоже, она в весьма преклонных летах.

– Я ее узнала! – радуется Натали. – Это же Хиллари Клинтон! В свое время она баллотировалась в президенты от демократической партии. Тогда ее не выбрали, но в конце концов она, как видно, добилась успеха!

– Крах позволил ей реализовать мечту, – добавляет Роман.

Хиллари Клинтон поднимается при помощи своей палочки по ступенькам, выкладывает на пюпитр листочки, проверяет микрофоны и обращается к собравшимся. Несмотря на возраст, она выглядит чрезвычайно живой и активной.

– Леди и джентльмены, грянул час испытаний...

Я понимаю ее речь благодаря моему Третьему Глазу, настроенному на приемник-переводчик Натали. Кроме того, у Хиллари Клинтон превосходная артикуляция.

– Происходящее с нами похоже на детскую сказку «Три поросенка», – продолжает она. – Если помните, каждый из поросят построил дом, чтобы спастись от волка: один из соломы, второй из прутьев, третий из кирпичей. Волк первым делом нападает на соломенный домик: дуну, говорит, домик и развалится. Так и происходит. Первый поросенок успевает перебежать во второй домик, из прутьев. Но волк опять дует, домик из прутьев тоже разваливается, и двое поросят находят убежище у третьего, в его кирпичном доме. Сколь-

ко волк ни дует, этому дому хоть бы что, трое поросят в безопасности, волку их не съесть. В реальности кирпичный дом, Эмпайр-стейт-билдинг, все же рухнул, и все вы нашли убежище в нашей башне из стекла и стали.

Она вздыхает и выдерживает паузу.

– Устоит ли она? Мы на это надеемся, это наше последнее убежище. Если и этот небоскреб падет, выхода уже не будет, деваться будет некуда, и здесь, на Манхэттене, человечеству придет конец. И не только здесь...

Это мрачное предположение встречено гробовым молчанием.

– Поэтому нельзя сидеть и ждать сложа руки. Даже при наличии запасов продовольствия и надежных стен угроза реальна, ибо наш противник отличается от волка из сказки тем, что непрерывно эволюционирует и становится все более опасным.

В зале ропот.

– Для начала я предлагаю вернуть нашему Всемирному торговому центру первоначальное название – башня Свободы. Пусть эта башня символизирует начало освобождения всего мира.

Это предложение, как я погляжу, всех завораживает; неудивительно, что оно тут же принимается подавляющим большинством голосов.

– Прекрасно, – говорит Хиллари. – Первый шаг сделан. Теперь напомню вам о нескольких обстоятельствах. После

переселения в башню Свободы жителей многих обитаемых башен Манхэттена ее население составило приблизительно сорок тысяч человек, а также восемь тысяч кошек и пять тысяч собак. Наши потери, включая жителей Эмпайр-стейт-билдинг и тех, кто случайно упал с зиплайнов во время эвакуации, составили приблизительно триста человек, восемьдесят кошек и пятьдесят собак. Учитывая обстоятельства, это терпимый уровень. Выражаю благодарность нашим бригадам пожарных, работавших на зиплайнах, это они обеспечили эвакуацию в максимально приемлемых условиях. Предлагаю проголосовать за премирование их свежей водой и добавочным продовольственным рационом.

Делегаты снова голосуют единодушно и награждают аплодисментами всех тех, кто обеспечил успех эвакуации из других башен.

– А теперь я предлагаю обрезать все воздушные трассы, соединяющие нас с другими башнями, чтобы лишить крыс возможности лазить по тросам, так как такой риск, учитывая их всесторонний прогресс, нельзя исключать. Ставлю предложение на голосование.

Принято единогласно.

Я понимаю ее стратегию. Ставя на голосование безобидные вопросы, она формирует привычку к поддержке. Это техника 3 + 1. Я читала про это в Энциклопедии: кому-то задают три вопроса, на которые автоматически следует утвердительный ответ, вследствие чего у отвечающего возникает

желание дать утвердительный ответ и на четвертый вопрос, часто оказывающийся наиболее спорным.

– Хорошо. Теперь о прибывших к нам новеньких. Знаю, все прошло благополучно. И снова хочу привлечь внимание к превосходной работе команд приема на башне Свободы. Они сумели предотвратить толкучку. Напоминаю при этом, что до вчерашнего дня в этой башне проживали всего десять тысяч человек и прибытие за несколько часов еще тридцати тысяч – это, без сомнения, испытание для нашей логистики. Поэтому до тех пор пока «чужие из других башен» полностью не интегрируются и не научатся быть полезными всему обществу, предлагаю предоставить им вместо статуса «граждан» статус «резидентов».

Представитель китайцев поднимает руку и задает вопрос, волнующий всех:

– В чем разница?

– У гражданина будет первоочередной доступ к запасам воды, продовольствия, овощей, к электричеству и к электроприборам. После удовлетворения потребностей всех граждан остатки предоставляются резидентам. Естественно, те резиденты, которые смогут продемонстрировать, что они обладают полезными или необходимыми для общества способностями, смогут перейти в статус граждан в ускоренном порядке.

По-моему, все это слегка сумбурно. Но вывод ясен: мы, я и мои люди, имеем подчиненный статус, а значит, меньше

еды и меньше прав.

– Невероятно! Даже при таких трагических обстоятельствах эти американцы умудряются учинить дискриминацию! – негодует Роман Уэллс.

Сомнительное предложение ставится на голосование. Все представители общин имеют статус граждан и дорожат своими привилегиями, поэтому и это предложение Хиллари Клинтон принимается единогласно.

Эта женщина – политический гений.

Вот как надо будет править и мне, когда я тоже стану царицей. Сначала я буду проводить малозначительные предложения, а потом манипулировать подданными по противоречивым вопросам.

Хиллари Клинтон заглядывает в свои записи и продолжает:

– Предлагаю вождю Норовистому Коню, представителю общины индейцев сиу, рассказать вновь прибывшим о наших нравах и обычаях.

На помост поднимается мужчина с перьями в волосах и в кожаной куртке с рисунками животных.

– Мы охотимся на крыс с луками и стрелами. Сами делаем луки из пластмассовых трубок, найденных в столах. Наконечниками стрел служат лезвия канцелярских ножей. К каждой стреле привязан шнур. Попав из лука в крысу, достаточно потянуть за шнур – и добыча ваша. Теперь о воде: хотите мыться – сами сделайте еще две-три водосборные емкости,

я покажу, как за это взяться.

– Спасибо, Норовистый Конь. И спасибо бригаде снабжения, до сих пор не вызывающей нареканий. У нас всегда есть в достатке свежая вода и крысиное мясо. Переходим к дронам. Сильвен?

К пюпитру выходит высокий молодой бородач со всклокоченными волосами и включает при помощи дистанционного пульта большой экран.

– Мы разведали, где прячется их царь, Аль Капоне.

Аудитория довольно шумит.

– На кадрах, снятых сегодня утром, мы видим его в момент обрушения Эмпайр-стейт-билдинг. Он присутствовал при этом событии со своими баронами.

Среди крыс обычного размера выделяется группа раскормленных особей, а в ней одна прямо-таки огромная крыса, которую я уже видела на смартфоне Эдит Гольдштейн.

Сильвен продолжает:

– При помощи системы искусственного интеллекта я определил точные контуры Аль Капоне. Благодаря этому мы сумели отследить его в скоплении сородичей.

Он запускает ускоренный просмотр.

– Наши дроны преследовали Аль Капоне и снимали его сверху и издали. Теперь нам известно, где он прячется.

На экране видно, как бароны, посадившие на себя жирную крысу, плывут по морю, вылезают на траву. Виднеются деревца и какая-то постройка.

– Вот мы и узнали, где живет мозг наших врагов: на острове Либерти, где стоит статуя Свободы, в ее цоколе.

Хиллари не разделяет его энтузиазма.

– Это шаг вперед, но пока мы не поймем, как его одолеть, знание о его норе мало что дает. Есть какие-нибудь новости, которых мы еще не слышали? Может быть, от новеньких?

– У меня есть сообщение, – вызывается Эдит Гольдштейн. Ее приглашают на помост.

– Здравствуйте, меня эвакуировали из Финансового Квартала, из башни номер два. Я – разработчик ратицида «Прометей», сначала позволившего истребить в Нью-Йорке всех крыс.

– Что представляет собой ваш «Прометей»? – интересуется Хиллари Клинтон.

– Сейчас объясню. Я прибегла к технологии CRISPR. Это «химические ножницы», позволяющие вырезать и переклеивать участки цепочек ДНК, как простую ткань. Не буду вас загружать техническими подробностями, достаточно знать, что этим способом можно ремонтировать гены. Так я смогла вызвать мутации у крыс. Потом я заразила их этим мутантным ДНК при помощи обыкновенного гриппа, очень заразного. Название «Прометей» я выбрала потому, что мутация поражает гены, управляющие печенью. Крысы подхватывают грипп, а вместе с ним гепатит.

– Тем не менее они нашли противоядие, – иронично воз-

ражает представительница общины панков. – Результат налицо.

– Поэтому я сейчас изучаю новый вид эпидемии. Я уже была близка к успеху в лаборатории нашей башни, но тут пришлось эвакуироваться в башню Свободы. Я разрабатывала схожую технологию, воздействующую не только на печень, но и на сердце.

– Эпидемия сердечных приступов? – заинтересованно спрашивает Хиллари.

– Замысел в том, чтобы смерть выглядела «нормальной» и не наводила их на мысль о карантине заболевших. В первый раз почти получилось. Я прошу немногого: выделить мне помещение под биологическую лабораторию. Желающие могут ко мне присоединиться.

– Прекрасно. Для этого необязательно голосовать. Отправляйтесь на пятый этаж, там ветеринарная клиника. Можете воспользоваться всеми микроскопами и другими необходимыми вам приборами. Есть еще иммигранты, чьи исследования находятся на продвинутой стадии и могут принести нам пользу?

Руку поднимает темнокожая женщина с курчавой шарообразной шевелюрой. Ее приглашают на помост. На ней желтая футболка с изображением компьютера.

– Джессика Нельсон из башни «Бэнк оф Америка». Я училась в Бостоне, в Массачусетском технологическом институте, специализировалась на проблемах компьютерных виру-

сов. За год до Краха я перебралась в Нью-Йорк, чтобы работать в «Бэнк оф Америка», с системами антивирусной защиты. Когда в мире стал свирепствовать вирус «Бог Сильнее Науки», я самостоятельно приступила к разработке антивируса, приспособленного к этой конкретной ситуации, с использованием компьютерной техники последнего поколения. Не имея доступа к старым файлам из «облака», я, заботясь о безопасности, написала собственные программы, чтобы быть уверенной, что они незаразные...

– В чем же заключается ваше предложение? – теряет терпение Хиллари Клинтон.

Молодая женщина улыбается.

– Это не предложение, а скорее информация: на прошлой неделе мне удалось создать антивирус, который я как раз тестировала, когда зазвучала тревога. Но есть и хорошая новость: полагаю, мой антивирус готов к применению.

– Вы уверены?

– Да, уверена. Остается его инсталлировать – и убедиться в результате. Это можно сделать прямо сейчас.

– Что, собственно, дает ваш антивирус? Прошу прощения, я ведь не программистка...

– Я назвала его «Наука Сильнее Бога», потому что он обезвредит вирус, обрушивший Интернет.

– Вы хотите сказать, что найден способ снова запустить всемирную сеть Интернет?

Теперь президент не скрывает воодушевления и обраща-

ется к Джессике Нельсон более уважительным тоном. Та изображает скромность.

– Надеюсь, что да.

Она достает флешку, похожую на ту, которую я ношу на шее.

– Предлагаю запустить программу прямо сейчас, на глазах у вас и у представителей ста одной общины. Так вы сами убедитесь в ее эффективности. Можно подключить компьютер к экрану у вас за спиной?

Сильвен согласно кивает, указывая на свой компьютер.

– У нас тут своя, местная сеть по типу Интранета, – объясняет он. – Она работает только в замкнутом контуре и никогда не имела контакта с внешними сетями – так мы избегаем инфицирования нашей аппаратуры.

– Значит, сначала я должна запустить свою «вакцину» в ваш компьютер. После этого его, уже защищенный, можно будет подключить к всемирной сети, – говорит молодая ученая. – Он будет застрахован от вредоносного вируса и начнет распространять вирус «Наука Сильнее Бога», который покончит со всеми опасными последствиями заражения вирусом «Бог Сильнее Науки», запущенным религиозными фанатиками.

– Получается, в случае сбоя мы рискуем заразить наши компьютеры? – тревожится Сильвен.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, – отвечает Джессика. – Вам придется мне довериться.

Сильвен смотрит на нее, все сильнее волнуясь.

– Риск слишком велик, поэтому я буду просить проголо-
совать. Мне нужна уверенность, что в случае неудачи ме-
ня не станут упрекать. Сомневающимся напомню, что на-
ша компьютерная сеть управляет всем электричеством, элект-
роникой, информатикой, смартфонами в башне Свободы.
Это значит, что, если ваш антивирус не сработает и в этой
ситуации мы выйдем в Интернет, вся наша аппаратура вый-
дет из строя.

– Выбора нет, придется мне поверить.

Слово берет Хиллари Клинтон:

– Проведем голосование. На кону исправность всей нашей
информатики, не так ли?

– Именно так, – подтверждает Сильвен. – Сожалею, мисс,
мы с вами не знакомы.

Голосуют поднятием руки. Из ста одного голосующего
пятьдесят «за», пятьдесят один «против».

– У меня право на два голоса, – напоминает, откашляв-
шись, Хиллари. – Окончательное решение приму я.

Она подходит к Джессике Нельсон и берет ее за руки,
смотрит голубыми глазами в ее черные глаза и долго так сто-
ит, как будто подключилась к ее мозгу.

– Вы можете дать гарантию, что борьба с вирусом не несет
риска заражения?

– Риск есть, но минимальный. Зато в случае успеха мы
получим доступ к множеству новых возможностей. На мой

взгляд, есть смысл попытаться.

Хиллари еще некоторое время не выпускает ее руки, потом закрывает глаза и провозглашает:

– Решено: пробуем! Загружайте ваш антивирус на этот компьютер, и мы подключим его к всемирному Интернету.

Сильвен, преодолев свои сомнения, пожимает плечами и вставляет флешку с чудо-программой в гнездо своего компьютера. Потом он соединяет компьютер с экраном позади себя.

Появляется содержимое компьютера и антивирус LSPFQD.

Наступает очередь Джессики. Она открывает свою программу и запускает ее со словами:

– Теперь этот компьютер и вся внутренняя сеть башни Свободы вакцинированы.

Я не очень понимаю происходящее. Натали объясняет:

– Компьютер не пострадал от антивируса, это как ребенок, переживший введение вакцины.

Джессика входит в Интернет, открывает браузер и рассылает свой антивирус.

Появляются программные строки: «Обнаружено новое устройство. Система подверглась атаке. Атака отражена. Отправка антивируса. Антивирус установлен. Вирус нейтрализован. Рассылка с нового оборудования».

Этот набор сообщений появляется снова и снова, с ускоряющимся повтором.

Джессика открывает программу показа. Появляется карта полушарий Земли. Джессика объясняет:

– Я подключаюсь к военному спутнику слежения «Оникс», с которого мы станем наблюдать за распространением антивируса по планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.